

ТЕНЬ, КОТОРОЙ Я ДЫШУ

— *Любовный роман* —

Она не видит лиц. Она чувствует души.

НИКОЛАС ЭШФОРД

Николас Эшфорд

Тень, которой я дышу

<https://litres.ru/74318122>

SelfPub; 2026

Аннотация

Англия, 1925 год. Лондон дышит джазом и свободой, но для Ирис Форест мир уже три года заключён в тишине и осязании. Потеряв зрение на войне, она не потеряла главного дара — видеть суть вещей. Её портреты, написанные по голосу и прикосновению, пугающе точны. Однажды в её мансарду приходит странный заказ: написать портрет человека, чьё лицо нельзя описывать — можно только чувствовать.

Так Ирис оказывается в Рэйвенскрофте — мрачной усадьбе на скалах, где хозяин, лорд Себастьян Вудвилл, прячет от мира не только своё изуродованное лицо, но и душу. Он циничен, жесток и, кажется, намерен сломать её гордость. Но Ирис не видит его шрамов — она слышит, как он дышит. Она чувствует, как дрожит его голос, когда он говорит о брате, погибшем по его вине. Она пишет портрет не лица — она пишет его совесть.

Между ними разгорается поединок, в котором нет победителей. Но когда у Ирис появляется шанс на операцию и возвращение зрения, Себастьян оказывается перед самым страшным выбором...

Содержание

Пролог	6
Часть I. Тишина, которая слышит	8
Глава 1. Девушка с закрытыми глазами	8
Глава 2. Запах соли и тишины	36
Глава 3. Правда, которую не видят глаза	62
Глава 4. Свет в каждой тени	95
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Николас Реймонд Эшфорд

Тень, которой я дышу

Оглавление

Пролог

Часть I. Тишина, которая слышит

Глава 1. Девушка с закрытыми глазами

Глава 2. Запах соли и тишины

Глава 3. Правда, которую не видят глаза

Глава 4. Свет в каждой тени

Глава 5. Свет, который мы выбираем

Часть II. Сквозь открытые глаза

Глава 6. Лицо, которое я выбрала

Глава 7. Город, который помнит

Глава 8. Тень, которой я дышу

Глава 9. Тени прошлого

Глава 10. Свет в каждой тени

Глава 11. Время, которое нас выбирает

Глава 12. Вкус свободы

Часть III. Свет, который жжёт

Глава 13. Война, которая пришла в наш сад

Глава 14. Бегство от прошлого

Глава 15. Глаза, которые видят слишком много

Глава 16. Выбор между тьмой и светом

Глава 17. Операция в Лондоне

Глава 18. Последний штрих к портрету
Часть IV. Реальность, которую мы выбрали
Глава 19. Первый взгляд на тебя
Глава 20. Тень, которой я дышу
Глава 21. Свобода любить
Эпилог. Ветер над усадьбой

"Когда закрываются глаза, открывается сердце.

Когда умолкают слова, начинается истина.

Когда исчезает свет, мы учимся видеть."

Ирис Форест

Пролог

Англия, апрель 1925 года

Они говорят, что тьма — это отсутствие света. Но это неправда. Тьма — это отсутствие надежды. Я узнала это в тот день, когда открыла глаза и увидела только черноту. Мир не исчез — он просто стал другим. Более глубоким. Более тихим. Более настоящим.

Я научилась слышать то, что другие не замечают. Дыхание человека, стоящего за дверью. Шаги, которые говорят о настроении. Паузы между словами, которые кричат громче самих слов. Я научилась видеть пальцами — линии лиц, текстуру эмоций, карту душ, которые прячутся за масками.

Они говорят, что я потеряла зрение. Но я обрела нечто большее. Я обрела способность видеть суть.

Это история о том, как я встретила человека, который прятал своё лицо от мира. О том, как мы учились видеть друг друга — не глазами, а сердцами. О том, как тень стала моим дыханием, а свет — моим выбором.

Меня зовут Ирис Форест. И это моя история.

Рэйвенскрофт, май 1965 года

Ветер над усадьбой никогда не стихает. Он приходит с моря, принося запах соли и свободы, и гуляет по аллеям сада,

шелестя листьями граната, касаясь лепестков белых роз, играя с ветвями старого кедра. Он помнит всё. Он помнит, как я впервые переступила порог этого дома — слепая, испуганная, но готовая к чуду. Он помнит, как я училась видеть мир по-другому, как я полюбила человека, который боялся собственной тени, как я создала сад, который стал символом надежды.

Ветер помнит всё. И когда я закрываю глаза, я слышу его голос. Он говорит мне, что любовь сильнее тьмы. Что даже в самой глубокой ночи есть звёзды. Что тень, которой мы дышим, может стать светом, если мы позволим себе верить.

Я сижу на террасе и смотрю на море, которое было свидетелем моей жизни. Рядом со мной — человек, который стал моим домом. Наши руки переплетены, как корни старого граната, и я знаю, что мы будем вместе всегда.

Это моя история. История о том, как я научилась видеть. История о том, как я нашла любовь. История о том, как тень стала моим дыханием — и как я превратила её в свет.

Часть I. Тишина, которая слышит

Глава 1. Девушка с закрытыми глазами

Лондон, апрель 1925 года

Мир не закончился, когда погас свет. Ирис Форест поняла это на третий день после того, как очнулась в госпитале Святого Томаса. Тогда она ещё не знала, что зрение потеряно навсегда, — врачи говорили об опухоли, о давлении на

зрительный нерв, о сложной операции, которая могла бы всё изменить. Они говорили тихо, шёпотом, словно боялись, что даже звук их голосов может сломать что-то в ней окончательно. Но Ирис слышала всё. Она всегда слышала больше, чем другие. И теперь, когда мир стал чёрным, это умение оказалось единственным, что у неё осталось.

Прошло три года. Три года, сотканых из звуков, запахов, прикосновений и той особенной, почти осязаемой тишины, которая наступает между словами. Ирис научилась жить заново. Не так, как живут зрячие, — она жила глубже, острее, словно каждая секунда теперь была на вес золота. Она знала, сколько шагов от двери её мансарды до кровати (восемь), знала, что половица у окна скрипит на третьем шагу, а вода в кране течёт с разной высотой звука в зависимости от времени дня. Она знала, как пахнет дождь, когда он только собирается над Лондоном, — влажной шерстью и углём, — и могла определить, сколько человек стоит на лестнице, просто по тому, как скрипят ступени под разным весом.

Этот мир был её. И она не собиралась его отпускать.

В то утро, когда всё началось, Ирис проснулась от того, что кто-то стоял у её постели и дышал. Дыхание было тяжёлым, с хрипотцой, — не её. Она не испугалась, просто прислушалась. Звук шёл справа, чуть выше уровня кровати. Значит, человек высокий. Вдох длинный, выдох короткий, с лёгким присвистом, — мужчина, пожилой, возможно, с больными лёгкими или просто уставший. Она не открыва-

ла глаз — в этом больше не было нужды, — просто повернула голову в сторону звука.

— Вы пришли слишком рано, — сказала она ровно. — Я просыпаюсь в семь.

Голос, раздавшийся в ответ, был сухим, официальным, с лёгким шотландским акцентом:

— Прошу прощения, мисс Форест. Я не хотел вас тревожить. Меня зовут Арчибальд Смит, я поверенный лорда Вудвилла. У меня к вам дело.

Ирис села в постели, поправляя сбившуюся ночную рубашку. Она не смущалась своей наготы перед незнакомцем — годы слепоты отучили её стесняться тела. Она знала, что её волосы спутаны, лицо сонное, а голос хриплый по утрам. Но это было неважно. Важны были звуки. Голос поверенного — официальный, но не враждебный. Шорох его пальто — дорогое сукно, явно не из дешёвой лавки. Запах одеколона — лаванда и бергамот, старомодный, но аккуратный. Всё это складывалось в картину: человек состоятельный, привыкший к порядку, но явно не привыкший разговаривать со слепыми девушками по утрам.

— Чаю хотите? — спросила Ирис, откидывая одеяло и вставая. Босые ноги нашли тёплый половик, и она сделала три шага к умывальнику. — У меня есть печенье. Правда, оно сухое, но сойдёт.

— Благодарю вас, мисс Форест, я не голоден. — В голосе поверенного слышалось лёгкое замешательство. — Я

пришёл по поручению его светлости. Лорд Вудвилл желает заказать у вас портрет.

Ирис замерла на полпути к умывальнику. Вода в кувшине тихонько плеснула, когда её пальцы коснулись холодного фаянса. Портрет. Она писала портреты уже почти два года. После того как благотворительный фонд для солдат-инвалидов помог ей устроить небольшую мастерскую в этой мансарде на Челси, она обнаружила, что может рисовать людей по памяти — не зрительной, а звуковой. Она просила клиентов говорить, смеяться, плакать, читать стихи, а потом брала уголь и воссоздавала их лица. Говорят, портреты были пугающе точны. «Вы видите нас лучше, чем мы сами себя видим», — сказала ей однажды графиня, заказывавшая портрет покойного мужа. Ирис тогда не ответила. Она просто улыбнулась.

Но заказ от лорда Вудвилла — это было нечто иное.

— Вы уверены, что он хочет именно меня? — спросила она, поворачиваясь к голосу поверенного. — Я слышала, его светлость не жалует художников. И вообще людей.

Смит кашлянул.

— Ваша репутация, мисс Форест, известна в определённых кругах. Лорд Вудвилл не желает, чтобы кто-то видел его лицо. Он слышал, что вы работаете вслепую. Буквально. — В голосе поверенного мелькнула странная, почти саркастическая нотка. — Он считает, что вы идеально подходите.

Ирис налила воду в таз и начала умываться, ощущая, как холодные капли стекают по шее. Она обдумывала сказанное.

Лорд Вудвилл. Она слышала о нём, конечно. В Лондоне после войны было много слухов: наследник древнего рода, вернувшийся с фронта с изуродованным лицом и хромотой, человек, который редко покидает своё поместье Рэйвенскрофт на побережье Корнуолла, держит всех на расстоянии и, говорят, жесток с прислугой. Газеты писали о нём как о «призраке старой Англии», а светские львицы шёпотом передавали истории о том, что в его поместье пропадали люди. Но Ирис не верила слухам. Она знала, что любая травма, любое увечье превращает человека в мишень для чужих фантазий.

— Вы хотите сказать, что я должна приехать к нему, чтобы написать портрет? — спросила она, вытирая лицо жёстким полотенцем. — В его поместье?

— Именно так, мисс Форест. Его светлость не покидает Рэйвенскрофт. Он предложил вам полное содержание, отдельную комнату, мастерскую, все необходимые материалы и гонорар, который, я полагаю, вас устроит. — Смит помедлил, и Ирис услышала, как он достаёт из портфеля бумагу. — Вот счёт. Сумма впечатляющая.

Она протянула руку, и он вложил ей в ладонь лист плотной бумаги. Провела пальцами по грифу — рельефные буквы, напечатано на машинке, сумма выбита отдельно, чтобы слепые могли прочитать. Десять тысяч фунтов. Ирис невольно присвистнула.

— Он сошёл с ума, — сказала она. — За эти деньги я могу написать портрет всей королевской семьи.

— Его светлость платит за анонимность и за вашу... особенность. — Смит настаивал. — Вы не увидите его лица. Вы будете его чувствовать. И это именно то, что ему нужно.

Ирис отложила бумагу на столик у кровати и задумалась. Десять тысяч фунтов. Этого хватит, чтобы оплатить лечение Эмили, её младшей сестры, которая всё ещё страдала от последствий той же бомбёжки, что отняла у Ирис зрение. Этого хватит, чтобы купить дом для матери, которая жила в крошечной квартирке в Уайтчепеле и сдавала бельё богачам. Этого хватит, чтобы нанять настоящего врача, а не тех дешёвых шарлатанов, к которым они ходили все эти годы. И всё же что-то в этом предложении настораживало. Зачем лорду Вудвиллу портрет, который он не сможет увидеть? Или он хочет, чтобы она создала его образ для других? Для потомков?

— Почему он не может просто нанять фотографа? — спросила она.

— Фотограф увидит его лицо. А вы — нет. Это единственное условие.

Ирис кивнула, хотя он не видел её кивка. Она понимала. Лорд Вудвилл, как и она сама, прятался от мира. Только он прятал своё лицо за маской страха и цинизма, а она — за темнотой, которая стала её домом. Может быть, они не так уж и отличались друг от друга.

— Я согласна, — сказала она. — Но у меня есть два условия. Первое: я возьму с собой свою служанку, Мэри. Я при-

выкла к ней, она знает, как я работаю. Второе: если мне станет некомфортно, я имею право уехать в любой момент. Без объяснений.

Смит зашелестел бумагами.

— Я передам ваши условия его светлости. Уверен, он согласится. Когда вы готовы выехать?

— Через три дня. — Ирис взяла гребень и начала расчёсывать волосы, ощущая, как зубья проходят сквозь спутанные пряди. — Мне нужно закончить один заказ и упаковать вещи.

— Отлично. Я пришлю экипаж в семь утра. — Смит сделал шаг к двери, потом остановился. — Мисс Форест, простите мою назойливость, но... вы не боитесь его?

Она услышала в его голосе нотку любопытства, которую он пытался скрыть. Ирис улыбнулась.

— Я боюсь только одной вещи, мистер Смит. Что однажды я перестану чувствовать мир вокруг себя. Что тьма станет не просто слепотой, а забвением. А его светлость... — она пожала плечами, — он просто человек. Со шрамами, как у всех нас.

Поверенный ничего не сказал, но Ирис услышала, как его дыхание изменилось. Он задержался на мгновение, словно хотел что-то добавить, но передумал. Дверь тихо скрипнула, и его шаги зазвучали на лестнице вниз.

Она осталась одна в своей мансарде. В комнате было тихо, только капли воды падали в умывальник да где-то на улице

кричали чайки, прилетевшие с Темзы. Ирис подошла к окну — она всегда подходила к нему утром, хотя не видела света. Она знала, что за стеклом — серое лондонское небо, крыши домов, трубы, из которых валил дым, и редкие прохожие, спешащие по своим делам. Она не видела их, но слышала их шаги, обрывки разговоров, звонки трамваев. Город был жив, и она была его частью.

Она села за свой рабочий стол — старый, со следами от красок и угля, — и провела пальцами по гладкой поверхности. На мольберте стоял начатый портрет молодой женщины, заказанный мужем, который погиб на войне. Ирис работала над ним уже две недели, воссоздавая черты по голосу женщины, по её смеху, по тому, как она плакала, рассказывая о муже. Портрет был почти готов. Ещё несколько штрихов, и она сможет отдать его заказчице.

Но сейчас её мысли были заняты другим. Лорд Вудвилл. Рэйвенскрофт. Поместье, о котором ходили слухи как о месте, где стены дышат горем. Она попыталась представить его, но не могла. У неё не было ни голоса, ни запаха, ни прикосновения. Только имя, окутанное туманом. И это интриговало её больше, чем она хотела признаться.

— Что ж, — сказала она вслух, обращаясь к пустой комнате, — будет интересно.

Она взяла угольный карандаш и начала работать над портретом. Пальцы двигались по бумаге, создавая линии и тени, рождая образ из ничего. Она вспоминала голос заказчицы,

её смех, её слёзы. Она слышала, как та говорила: «У него были тёплые руки, мисс Форест. И улыбка, которая начиналась с глаз». Ирис рисовала улыбку, которая начиналась с глаз, хотя сама никогда не видела таких улыбок.

Иногда ей казалось, что её слепота — это не потеря, а обретение. Она видела людей такими, какие они есть на самом деле. Без масок. Без прикрас. И если лорд Вудвилл решил довериться ей, несмотря на свои страхи, значит, он тоже это чувствовал.

Три дня пролетели как одно мгновение. Ирис закончила портрет, упаковала свои кисти, краски, угольные карандаши и пару чистых холстов. Мэри, её служанка, низенькая круглолицая женщина лет сорока, помогала ей собираться, ворча на непонятное решение хозяйки ехать в глушь, к странному лорду, о котором ходят такие слухи.

— Вы уверены, мисс? — спросила она, застёгивая саквояж. — Говорят, там привидения водятся. И сам лорд — не человек, а призрак.

— Все мы призраки, Мэри, — ответила Ирис, надевая тёплый плащ. — Просто некоторые из нас ещё не научились светиться.

Утром, за час до отъезда, Ирис стояла перед дверью своей мансарды. Она слышала, как снизу доносится шум улицы, как где-то играет граммофон, как женщины перекликаются через двор. Всё это было привычно, родно. Она уезжала в неизвестность, оставляя позади свою маленькую крепость,

свой звуковой мир, своё убежище.

Но она знала: если она хочет расти, если она хочет по-настоящему писать, а не просто копировать, ей нужно выйти из тени. Нужно встретиться с человеком, который прячется в своей собственной тьме. Может быть, вместе они смогут найти свет.

Экипаж подъехал ровно в семь. Ирис слышала, как цокают подковы, как скрипят рессоры, как кучер, грубоватый мужчина с прокуренным голосом, выкрикнул: «Мисс Форест?». Она кивнула, и Мэри проводила её к дверце. Деревянная ступенька, мягкое сиденье, запах кожи и дорожной пыли. Ирис села, Мэри устроилась напротив, и экипаж тронулся.

Лондон удалялся. Сначала исчезли крики уличных торговцев, потом звонки трамваев, потом и сам гул города стал глуше, словно его затягивало ватой. Ирис прислушивалась к изменениям. Дорога становилась неровной, лошади дышали чаще. Они выехали за город, в пригороды, а потом — на тракт, ведущий на юго-запад, к морю.

Она не знала, сколько продлится путь. Ей сказали, что до Рэйвенскрофта — почти целый день. Она была готова ждать. В её мире время не измерялось солнцем или часами — оно измерялось звуками. Чем тише становилось снаружи, тем глубже она погружалась в свои мысли.

К полудню они остановились на постоялом дворе, где Ирис выпила чаю и съела кусок холодного мяса. Она слыша-

ла, как посетители перешёптывались, увидев слепую девушку в дорожном платье, но никто не подошёл. Она привыкла к таким взглядам. Люди боялись слепоты, как боятся смерти, как боятся всего, что напоминает им о хрупкости их собственного мира.

К вечеру дорога стала петлять среди холмов. Ирис чувствовала, как воздух меняется — становится влажнее, солёнее. Море. Она слышала его ещё до того, как они въехали в поместье. Гул прибоя, крики чаек, ветер, пахнувший водорослями и свободой. Она почти улыбнулась, но тут экипаж остановился, и она услышала скрип огромных железных ворот.

— Мы прибыли, мисс, — сказал кучер.

Ирис взяла трость, которую всегда носила с собой, хотя на самом деле она не нуждалась в ней — она чувствовала пространство лучше, чем любой зрячий. Но трость была символом, защитой, щитом от чужих вопросов. Она вышла из экипажа и замерла на холодном камне.

Поместье дышало. Она слышала его — гулкое эхо, которое рождалось в высоких коридорах, скрип половиц, где-то далеко — шаги прислуги, лай собак, ветер, завывающий в башнях. Рэйвенскрофт был жив, и он был огромен.

Перед ней раздались шаги — лёгкие, торопливые. Женский голос, молодой, с лёгким ирландским акцентом:

— Мисс Форест? Меня зовут Бриджит, я экономка. Лорд Вудвилл ожидает вас в библиотеке. Прошу, следуйте за

мной.

Ирис кивнула и пошла за звуком голоса. Она ступала осторожно, но уверенно, ощущая, как каменные плиты сменяются ковром, как воздух становится теплее, как в нём появляются запахи — воска, старого дерева, книжной пыли и ещё чего-то едва уловимого, почти сладкого, что она не могла определить.

Они прошли через несколько дверей, и наконец Бриджит остановилась.

— Его светлость внутри, — сказала она. — Я подожду здесь, если понадобится.

Ирис толкнула дверь и вошла.

Комната встретила её тишиной. Не абсолютной, а напряжённой, как струна, натянутая до предела. Она слышала, как кто-то стоит у камина, как потрескивают дрова, как часы тикают на каминной полке. И она слышала его дыхание — ровное, спокойное, но с оттенком чего-то острого, почти болезненного.

— Мисс Форест, — произнёс голос, низкий, бархатистый, с лёгкой хрипотцой, которая, казалось, была неотъемлемой частью его обладателя. Голос обволакивал, окутывал, как тёплый плед. — Я рад, что вы согласились приехать.

Ирис медленно повернула голову в сторону звука.

— Лорд Вудвилл, — сказала она. — Я должна признаться, что не ожидала, что вы так... вежливы.

Он усмехнулся — коротко, без тени веселья.

— Слухи преувеличены, как обычно. Прощу, садитесь.

Она услышала, как он отодвигает стул, как ткань его одежды чуть шуршит. Она подошла к столу, ощущая его поверхность кончиками пальцев, и села. Между ними оставалось не больше двух ярдов, но она чувствовала его присутствие как физическую тяжесть. Он был рядом, и он был странным.

— Вы знаете, зачем я вас позвал? — спросил он.

— Чтобы я написала ваш портрет, — ответила она. — Но я не совсем понимаю, зачем вам портрет, который вы никогда не увидите.

Он замолчал. Тишина затянулась, и Ирис могла слышать, как его пальцы сжимают что-то — возможно, край стола, возможно, подлокотник кресла. Она ждала.

— Я хочу, чтобы вы написали меня таким, каким я был до войны, — сказал он наконец. — До того, как я стал этим... — он запнулся, подбирая слово, — существом.

— Вы не существо, лорд Вудвилл. Вы человек.

— Вы не знаете, что говорите.

— Я знаю, что вы дышите, как я. Что ваше сердце бьётся, как у любого другого. И что вы боитесь того, что другие увидят вас таким, каким вы себя представляете. — Она наклонила голову. — Я не вижу вас. Но я слышу вас. И я могу написать то, что слышу, если вы позволите мне.

Он молчал так долго, что Ирис почти подумала, что он ушёл. Но потом он сказал:

— Хорошо. Начнём завтра. Бриджит проводит вас в вашу

комнату. — Он встал, и она услышала, как он хромает, приближаясь к двери. — И ещё, мисс Форест. В этом доме не принято задавать лишние вопросы. Надеюсь, мы понимаем друг друга.

— Если вы имеете в виду, что не хотите рассказывать мне о своих шрамах, — сказала она спокойно, — то не переживайте. Я не спрашиваю о том, что люди прячут. Я рисую то, что они показывают.

Она услышала, как он остановился у двери, и ей показалось, что он хотел что-то сказать. Но вместо этого он просто вышел, и шаги его затихли в коридоре.

Ирис осталась сидеть в библиотеке, вслушиваясь в треск камина и мерный тик часов. Впервые за долгое время она чувствовала, что стоит на пороге чего-то большего, чем просто заказ. Она чувствовала, что этот человек, этот лорд Вудвилл, скрывает не только лицо. Он скрывает нечто гораздо более страшное — ту часть себя, которую он сам боится увидеть.

И она, слепая художница, была единственной, кто мог помочь ему это сделать.

Она улыбнулась и вышла из библиотеки, чтобы следовать за голосом экономки в свою комнату, где её ждали тишина и покой — и завтрашний день, который обещал быть началом чего-то невероятного.

Комната, которую ей отвели, оказалась больше, чем она ожидала. Высокие потолки, широкое окно, выходящее, как

она поняла по звуку ветра и запаху соли, на море. Ирис прошла по ковру, касаясь рукой мебели — массивной кровати с балдахином, комода, туалетного столика. Всё было старым, тёмным, пронизанным временем. Она слышала, как ветер гуляет по коридорам, как где-то внизу хлопает дверь, как чайки кричат, словно оплакивая кого-то.

Мэри уже распаковала вещи и ждала её.

— Мисс, я осмотрела комнату. Всё чисто, но такое жуткое, — сказала служанка. — Стены как будто дышат. Я не знаю, как вы здесь будете спать.

— Я сплю везде, Мэри. Главное, чтобы было тихо.

— Здесь слишком тихо, — возразила Мэри. — Это пугает.

Ирис улыбнулась, сняла плащ и села на кровать. Пружины скрипнули. Она почувствовала, как усталость навалилась на плечи — долгая дорога, разговор с лордом, тревожное ожидание. Но внутри неё горел огонёк любопытства, который не давал успокоиться. Завтра она начнёт работу. Завтра она услышит его голос снова и, возможно, поймёт, что скрывается за этим низким, бархатистым звуком.

Она легла и закрыла глаза, хотя для неё это ничего не меняло. Темнота была той же, что и всегда, но теперь она казалась ей другой — более плотной, более наполненной. Словно воздух вокруг неё сгустился от присутствия человека, которого она ещё не видела, но уже чувствовала.

Ночь прошла спокойно. Ирис просыпалась несколько раз

от шума ветра или крика совы, но быстро засыпала снова. Под утро ей приснился странный сон: она стояла в пустом зале, а перед ней висело огромное зеркало. В зеркале она видела не своё отражение, а силуэт мужчины — высокого, широкоплечего, с лицом, скрытым тенью. Он молчал, но она слышала его дыхание, то самое, с хрипотцой. Она протянула руку, чтобы коснуться стекла, и в этот момент проснулась.

Утро пришло с запахом моря и свежего хлеба. Бриджит принесла завтрак и сообщила, что лорд Вудвилл ждёт её в библиотеке через час. Ирис оделась — тёмное платье, простое, без украшений, волосы она затянула в узел, чтобы не мешали. Она взяла свой альбом и угольные карандаши, хотя для портрета ей нужны были холст и масло. Но сначала она хотела сделать наброски, почувствовать его.

В библиотеке её уже ждали. Она вошла и сразу услышала его голос:

— Доброе утро, мисс Форест. Вы хорошо спали?

— Вам не обязательно говорить со мной так официально, — ответила она. — Мы будем работать вместе. Можете обращаться ко мне по имени.

— Тогда я буду называть вас Ирис. — Он помедлил. — А вы можете звать меня Себастьян.

Она не ожидала этого. Обычно клиенты держали дистанцию, но этот человек, казалось, стремился разрушить барьеры, которые сам же и воздвиг.

— Хорошо, Себастьян. — Она присела на стул напротив

него. — Давайте начнём с самого простого. Расскажите мне о себе. Всё, что хотите. Ваш голос, ваш смех, ваши привычки. Всё это ляжет в основу портрета.

Он долго молчал. Потом заговорил:

— Мне тридцать семь лет. Я был на войне, как и многие. Я потерял брата, потерял здоровье, потерял веру в людей. Я живу здесь один, окружённый книгами и воспоминаниями. Я не верю в любовь, не верю в Бога, не верю в счастье. Если вы напишете это — будет хороший портрет.

Ирис слушала его голос и замечала то, что он не говорил. Он не упомянул шрамы, не сказал о боли, о страхе, о том, как он просыпается по ночам и видит перед глазами взрыв. Но она слышала это в паузах, в дрожи его голоса, в том, как он делал вдох перед тем, как сказать что-то важное.

Она взяла уголь и начала рисовать. Она не смотрела на него — она слушала. Каждое слово, каждый вздох, каждый шорох его одежды становились линией на бумаге. Она рисовала его душу, его боль, его тени, его свет.

Через час она остановилась.

— Я хочу, чтобы вы подошли, — сказала она. — И хотите ли вы видеть, что я нарисовала?

Он встал и подошёл к ней. Она слышала, как он наклонился, как его дыхание коснулось её волос.

— Это... я, — сказал он медленно. — Но я никогда не видел себя таким.

— Каким?

— Человеческим.

Она не ответила. Она просто положила уголь и улыбнулась.

Первый день их встречи закончился, но начало было положено. Ирис знала, что впереди — долгая работа, и что этот мужчина, скрывающийся за маской холода и цинизма, возможно, откроется ей, как никому другому. Она была готова ждать. Она умела ждать. В конце концов, терпение было единственным, чему научила её темнота.

Она встала, взяла альбом и направилась к двери. На пороге она остановилась.

— Себастьян, — сказала она, не оборачиваясь. — Вы боитесь меня?

Он молчал так долго, что она подумала, что он не ответит.

— Я боюсь не вас, — сказал он наконец. — Я боюсь того, что вы можете увидеть.

Она повернула голову в сторону его голоса.

— Я уже вижу, — сказала она. — И я не боюсь. Вы тоже не бойтесь.

И она вышла, оставив его одного в библиотеке, среди теней и книг, которые хранили его секреты. А за окном шумело море, и чайки кричали, и ветер завывал в башнях, как голос тех, кто ушёл, но не был забыт.

Ирис провела остаток дня, изучая поместье. Она ходила по коридорам, чувствуя стены, прикасаясь к картинам, которых не видела, но которые, как ей сказали, украшали стены.

Она спустилась в сад — она слышала шум деревьев и чувствовала запах земли, сырой и плодородной. Она стояла у скалы, где море обрушивалось на берег, и думала о том, как этот мир, такой звуковой и такой реальный для неё, выглядит для него.

Лорд Вудвилл, Себастьян, был загадкой, которую она хотела разгадать. Но она знала, что разгадывать её нужно не спеша, не торопясь, как она привыкла работать с углём и холстом — слой за слоем, тень за тенью.

Вечером она вернулась в свою комнату и долго сидела у окна, прислушиваясь к голосам ветра. Она думала о том, что её жизнь, такая простая и такая сложная, вдруг обрела новый смысл. Она писала портреты людей, чтобы помочь им увидеть себя, но этот портрет был другим. Он был не для него. Он был для неё. Чтобы она могла понять, что такое быть живым, когда все вокруг мертвы внутри.

Она заснула с улыбкой на губах, чувствуя, как ветер играет с её волосами, и зная, что завтра будет новый день, новый разговор, новый штрих на холсте.

Так началась история девушки с закрытыми глазами, которая увидела больше, чем все зрячие вместе взятые. И так началась история человека, который боялся собственной тени и нашёл в ней отражение своей души.

Второй день в Рэйвенскрофте начался с того, что Ирис проснулась от голосов. Они доносились из коридора — приглушённые, быстрые, словно кто-то спорил. Она не разби-

рала слов, но тон был напряжённым. Она села в постели и прислушалась. Один голос принадлежал Бриджит, эконолке, — она говорила сбивчиво, почти умоляюще. Второй — мужской, хриплый, низкий, был незнакомым. Ирис не могла понять, что они обсуждают, но чувствовала в этом разговоре что-то неладное, как застоявшийся воздух перед грозой.

Она откинула одеяло и встала. Босые ноги нащупали тёплый ковёр. Она накинула халат и, не зажигая света (в котором не было нужды), бесшумно подошла к двери и приоткрыла её. Голоса стали слышнее.

— ...я не могу, мистер Уэллс, — говорила Бриджит, почти плача. — Его светлость будет в ярости, если узнает. Прошу вас, уйдите.

— Не могу уйти, Бриджит. Ты знаешь, что он мне должен. Я пришёл за своим. Если он не заплатит сегодня, я расскажу всем в деревне, что здесь творится. И тогда ему не помогут ни его деньги, ни его титул.

Ирис вздрогнула. Голос мужчины был грубым, настойчивым, в нём слышалась угроза. Она не знала, кто этот Уэллс и что он имеет против лорда Вудвилла, но интуиция подсказывала ей, что это не просто случайный визит. Она замерла за дверью, прислушиваясь.

— Мистер Уэллс, пожалуйста, — Бриджит почти умоляла. — Вернитесь через неделю. Его светлость сейчас не в том состоянии, чтобы...

— А мне плевать на его состояние! — рявкнул Уэллс. —

Я знаю, что он прячется здесь, как старый пёс, и боится показать свою уродливую морду. Но я не боюсь, поняла? Я не боюсь ни его, ни его привидений. Передай ему: если я не получу свои деньги к завтрашнему вечеру, вся округа узнает, кем он был до войны. И кем стал после.

Шаги загрохотали по лестнице, потом стихли. Ирис слышала, как Бриджит тяжело вздохнула, как её шаги медленно удалились в другую сторону. Она подождала ещё минуту, потом открыла дверь и вышла в коридор. Он был пуст, но воздух всё ещё вибрировал от недавнего напряжения.

— Мэри, — позвала она тихо. — Ты здесь?

Из глубины комнаты донеслось шуршание, и через мгновение Мэри появилась в дверях её спальни.

— Что случилось, мисс? Я слышала какой-то крик.

— Ничего особенного, — солгала Ирис. — Просто кто-то приходил. Сейчас ушёл. Мне нужно переодеться и спуститься к завтраку. Ты не заметила, где находится библиотека?

— В восточном крыле, мисс. Я проверяла. Это через две двери от большой лестницы.

Ирис кивнула и начала одеваться. Она выбрала платье серого цвета, простое, но из хорошей ткани — она не хотела выглядеть ни слишком бедной, ни слишком нарядной. Волосы она заколола в узел, чтобы они не лезли в лицо. Перед выходом она задержалась у окна, прислушиваясь к шуму моря. Оно казалось тревожным сегодня — высокие волны разбивались о скалы с глухим рокотом, словно само море преду-

преждало о чём-то.

Завтрак подали в малой столовой. Ирис нашла её по запаху свежего хлеба и крепкого кофе. За столом никого не было, но на её месте, как она поняла по очертаниям тарелки и столовых приборов, уже были расставлены блюда. Она села и начала есть, прислушиваясь к звукам дома. Где-то далеко хлопала дверь, слышались шаги прислуги, но ни голосов, ни смеха. Дом казался не просто старым — он казался мёртвым, как будто всё живое в нём затаилось, ожидая чего-то.

Она почти закончила завтрак, когда в дверях раздался тот самый голос — низкий, бархатистый, с хрипотцой.

— Вы уже встали, Ирис. Я думал, вы будете отдыхать дольше.

Она повернулась в его сторону.

— Доброе утро, Себастьян. Я привыкла вставать рано. Кроме того, я слышала, что у вас были гости. Неприятные.

Она не сказала, что подслушивала, но она не могла скрыть намёка. Тишина затянулась на несколько секунд. Потом он заговорил — медленно, словно взвешивая каждое слово:

— Это не ваше дело, Ирис. Я просил вас не задавать лишних вопросов.

— Я и не спрашивала. Я просто заметила.

— Тогда не замечайте.

Она улыбнулась. Ей нравилась его резкость — она была честной, не притворной, в отличие от фальшивых улыбок, к которым она привыкла в Лондоне.

— Как скажете, — сказала она. — Но если вы передумаете рассказывать, я готова слушать.

Он ничего не ответил, но она слышала, как он подошёл ближе и сел напротив неё. Запах его одеколона — сандал и немного дыма — смешался с запахом кофе.

— Сегодня я хочу, чтобы вы начали писать, — сказал он. — Не просто делать наброски. Настоящий портрет. На холсте. Маслом.

— Хорошо. Но для этого мне нужна тишина. И ваше присутствие. Можете читать, работать, просто сидеть, но я должна слышать вас. Ваше дыхание, ваши движения. Это помогает мне работать.

— Я буду молчать.

— Молчание — тоже звук, — сказала она. — Оно говорит о многом.

Она встала и направилась к выходу, чувствуя, как он смотрит на неё. Или ей казалось, что смотрит? Она не могла знать наверняка, но она чувствовала его взгляд — тёплый, пронизывающий, как луч света, проникающий сквозь темноту.

Работа началась через час. Ирис установила мольберт в углу библиотеки, прямо напротив его любимого кресла у камина. Она выбрала это место, потому что слышала, как трещат дрова, как шипит влажное дерево — звуки, которые создавали фон для её работы. Она натянула холст, приготовила краски и кисти. Пахло скипидаром и льняным маслом — запахи, которые она любила с детства, когда ещё видела и

могла наслаждаться цветами.

— Я начинаю, — сказала она. — Не обращайтесь на меня внимания. Просто будьте собой.

Он не ответил, но она слышала, как он откинулся в кресле, как скрипнула кожа, как его дыхание стало глубже. Она закрыла глаза — для неё это было естественно, — и начала работать.

Она писала не лицо. Она писала звуки: его голос, его паузы, его вздохи. Она писала тень, которую он отбрасывал, хотя не могла её видеть. Она писала тот самый страх, который он прятал за своими словами. Мазок за мазком, линия за линией, рождался образ. Она не знала, похож ли он на него, но она знала, что он правдив.

Прошло несколько часов. Она не заметила, как время пролетело. Он не проронил ни слова, но она слышала, как он несколько раз вставал, подходил к окну, стоял, глядя на море, потом возвращался. Его шаги были неровными — хромота была заметной. Она уже научилась различать его походку среди других звуков.

Ближе к полудню она остановилась.

— Я хочу отдохнуть, — сказала она. — И перекусить. Вы не возражаете?

— Конечно. — Он встал. — Я распоряжусь, чтобы принесли чай и сэндвичи.

Она не ожидала такой заботы. Она подумала, что он просто уйдёт и оставит её одну, но он подошёл ближе, остано-

вившись в ярде от неё.

— Можно я взгляну? — спросил он. — На то, что вы написали?

— Это ваш портрет, — сказала она. — Вы можете на него смотреть.

Она слышала, как он склонился над холстом, как его дыхание стало быстрее. Она ждала его реакции, но он молчал так долго, что она почти испугалась.

— Вы... вы не видели меня, — сказал он наконец. — Но вы написали меня. Мою душу.

— Я пишу не то, что вижу, а то, что слышу. И вы говорите громче, чем думаете, лорд Вудвилл.

Он отступил на шаг.

— Я не знаю, что чувствовать.

— Не нужно ничего чувствовать, — сказала она. — Просто примите это. Как дар.

Он ничего не ответил, но она услышала, как он вышел из комнаты, закрыв дверь почти беззвучно. Она осталась одна с холстом и ощущением, что между ними только что произошло нечто важное — что-то, что изменит их обоих.

Остаток дня Ирис провела в своей комнате, отдыхая и перебирая в памяти события. Она думала о том, что произошло утром — о посетителе, о голосе Бриджит, о том, как Себастьян, казалось, закрылся в себе после её слов. Она не хотела нарушать его покой, но она чувствовала, что здесь, в этом поместье, есть что-то, что он пытается скрыть от всех,

включая самого себя.

Вечером она спустилась к ужину. На этот раз он уже ждал её в столовой. Зажжённые свечи отбрасывали тени на стены, и Ирис слышала их тихое потрескивание. Себастьян сидел во главе стола, и когда она вошла, он поднялся, как того требовал этикет. Она услышала шорох его одежды, его шаги, когда он обошёл стол, чтобы подать ей стул.

— Вы сегодня хорошо поработали, — сказал он. — Я впечатлён.

— Спасибо, — ответила она. — Но работа только началась. Вам придётся терпеть меня ещё несколько недель.

— Я готов терпеть вас сколько угодно, если вы продолжите писать так, как сегодня.

Его голос был ровным, почти холодным, но она уловила в нём нотку — что-то тёплое, почти доверительное. Она наклонила голову и улыбнулась.

— Тогда у нас есть шанс стать друзьями, — сказала она.

— Я не верю в дружбу, — ответил он. — Но я верю в честность. И вы, кажется, честны.

— Я стараюсь.

Они ужинали в тишине, но это была спокойная тишина, а не напряжённая. Ирис слушала, как он жуёт, как звякает его вилка о тарелку, как он иногда вздыхает, глядя в окно. Она почти могла представить его сидящим напротив, хотя она никогда не видела его лица.

После ужина он предложил прогуляться по саду. Она со-

гласилась, и они вышли на террасу. Ночь была прохладной, ветер дул с моря, принося запах соли и водорослей. Ирис слышала, как волны разбиваются о скалы внизу, как кричат чайки, притаившиеся на карнизах. Она шла рядом с ним, прислушиваясь к его хромоте, к тому, как он опирался на трость, которую она заметила ещё днём.

— Вы когда-нибудь бываете в деревне? — спросила она.
— Среди людей?

— Нет, — сказал он. — Я не люблю людей. Люди смотрят на меня с ужасом или жалостью. И то, и другое отвратительно.

— Жалость — это форма сочувствия, — заметила она.

— Сочувствие — это форма слабости, — возразил он.

Она остановилась, и он тоже остановился.

— Вы считаете меня слабой? — спросила она.

— Нет, — сказал он после долгой паузы. — Я считаю вас сильной. Сильнее многих зрячих. Вы живёте в мире, который вы создали сами. Это требует мужества.

Она улыбнулась в темноте, чувствуя, как внутри разливается тепло.

— Это самый красивый комплимент, который я получала, — сказала она.

— Тогда я рад.

Они пошли дальше, и Ирис поняла, что между ними начинается что-то важное. Что-то, что может перерасти в доверие, а может — во что-то большее. Но она не торопилась.

Она знала, что хорошие вещи требуют времени. И времени у них было достаточно.

Когда они вернулись в дом, она попрощалась с ним и поднялась в свою комнату. Мэри уже приготовила ей постель и развесила платья. Ирис легла, прислушиваясь к ночным звукам: ветер за окном, скрип половиц в коридоре, иногда чей-то голос вдалеке. Она думала о нём — о его лице, которое она не видела, но уже начала понимать. Она думала о том, каким он был до войны, что он потерял и что пытается найти сейчас.

Она заснула, и ей снова приснился сон. Она стояла в том же пустом зале, но на этот раз зеркало было разбитым. Осколки лежали на полу, отражая сотни маленьких образов. Она наклонилась и подняла один из них. В нём она увидела мужчину — не полностью, только глаза. Тёмные, глубокие, в которых плескалась боль. И она поняла, что это он. Себастьян.

Она проснулась с чувством, что сон был предупреждением. Или откровением. Она не знала. Но она знала, что завтра она снова увидит его, и завтра она продолжит писать его портрет. Портрет человека, который боится собственного отражения. Портрет её новой жизни.

Она перевернулась на бок и попыталась уснуть. За окном шумело море, и где-то в доме часы пробили полночь. Ирис улыбнулась в темноте и закрыла глаза. Завтра будет новый день, и она будет готова.

Глава 2. Запах соли и тишины

Ирис проснулась оттого, что кто-то стоял у её кровати. Она не слышала шагов, но чувствовала дыхание — ровное, спокойное, с лёгким запахом лаванды и воска. Это не был Себастьян. Это была женщина, и она стояла неподвижно, как статуя, просто глядя на спящую.

Ирис не открывала глаз — в этом не было нужды. Она просто ждала, прислушиваясь к дыханию, к тому, как скрипит половица под весом незваной гостьи.

— Мисс Форест, — раздался голос, тихий, почти шёпот. Это была не Бриджит. Голос был моложе, с лёгким акцентом, который она не могла определить. — Прошу прощения, что разбудила вас.

— Вы не разбудили, — ответила Ирис, садясь в постели. — Я уже проснулась. Просто лежала и слушала.

— Слушали?

— Всегда. Это единственное, что я могу делать.

Женщина кашлянула — неловко, смущённо.

— Меня зовут Элен. Я горничная. Лорд Вудвилл просил передать, что он будет ждать вас в библиотеке через час. И ещё... — она замолчала, словно не решаясь продолжить.

— И ещё? — подсказала Ирис.

— Он сказал, что вам не стоит спускаться в восточное крыло. Там... там идёт ремонт. Там может быть небезопасно.

Ирис нахмурилась. Ремонт? Она не слышала никаких звуков ремонта — ни стука молотков, ни голосов рабочих. Только тишину и ветер. Восточное крыло. Она запомнила это.

— Спасибо, Элен, — сказала она. — Передайте лорду Вудвиллу, что я приду.

Горничная ушла так же бесшумно, как появилась. Ирис слышала её шаги — лёгкие, быстрые, почти кошачьи. Она была молодой, возможно, лет двадцати, и явно нервничала. Ирис удивилась. Зачем лорду Вудвиллу передавать такие странные предупреждения? И почему голос горничной звучал так, словно она боялась не за себя, а за Ирис?

Она откинула одеяло и встала. День обещал быть странным.

Завтрак она съела в своей комнате. Мэри принесла поднос с чаем, тостами и варёным яйцом, бормоча что-то о том, что дом слишком тихий, а прислуга странная — все ходят на цыпочках и говорят шёпотом.

— Это не дом, мисс, это склеп, — сказала Мэри, ставя поднос на стол. — Я вам говорю, здесь что-то не так. Я вчера видела, как одна горничная плакала в коридоре. Когда я спросила, что случилось, она просто убежала.

— Мэри, — мягко сказала Ирис, — мы здесь не для того, чтобы расследовать тайны. Мы здесь, чтобы я написала портрет. Всё остальное нас не касается.

— Но, мисс...

— Всё, Мэри.

Служанка вздохнула и вышла, оставив Ирис наедине с тишиной и запахом чая. Ирис взяла чашку, поднесла к губам и задумалась. Мэри была права: дом был странным. Но Ирис не боялась странностей. Она выросла в мире, где все были странными по-своему. В конце концов, слепота — не лучший способ увидеть мир таким, какой он есть. Иногда тьма открывает больше, чем свет.

Она оделась и спустилась в библиотеку.

Себастьян уже был там. Она слышала его дыхание — оно было быстрее, чем вчера, с лёгкой одышкой, словно он только что поднялся по лестнице или переживал что-то. Он стоял у окна, и она слышала, как его пальцы барабанят по подоконнику — нервный жест, который она заметила ещё вчера.

— Доброе утро, Ирис, — сказал он, не оборачиваясь.

— Доброе утро, Себастьян. — Она прошла к своему мольберту и коснулась холста. — Вы спали плохо.

Это был не вопрос. Она слышала это в его голосе — усталость, напряжение, почти боль.

— Я вообще редко сплю, — ответил он. — С войны я забыл, что такое хороший сон.

— Мне жаль.

— Не жалейте. Жалость — это то, что я не выношу.

Она улыбнулась, хотя он не видел её улыбки.

— Тогда я не буду жалеть. Я просто буду слушать. Садитесь, пожалуйста. Я хочу начать работать.

Он сел в своё кресло у камина, и она услышала, как он

откинулся на спинку, как скрипнула кожа, как его дыхание стало глубже. Она взяла кисть, обмакнула её в масло и начала.

Она писала его молчание. Она писала то, что он не говорил. Она слышала его сердцебиение — ровное, но иногда сбивающееся, когда он думал о чём-то тревожном. Она слышала, как он иногда вздыхает, как его пальцы сжимают подлокотник кресла. Она писала это всё — звуки, которые складывались в образ человека, потерявшего себя и пытающегося найти заново.

Прошло два часа. Она остановилась, чтобы дать руке отдохнуть.

— Себастьян, — сказала она, — вы когда-нибудь рассказывали кому-нибудь о том, что с вами случилось на войне?

Он замер. Она услышала, как его дыхание остановилось на мгновение, потом снова стало ровным.

— Нет, — сказал он. — Никому.

— Почему?

— Потому что это не имеет значения. Война закончилась. Я выжил. Что ещё нужно знать?

— Что вы потеряли там, — сказала она. — Что вы не можете забыть.

Тишина повисла в комнате. Она была плотной, почти осязаемой. Ирис слышала, как в камине трещат дрова, как где-то в коридоре хлопает дверь, как море за окном дышит своим вечным ритмом. Она ждала.

— Я потерял брата, — сказал он наконец, и голос его звучал глухо, словно он говорил не с ней, а с самим собой. — Томас был младше меня на три года. Мы были неразлучны с детства. Он пошёл на войну добровольцем, хотя я просил его не делать этого. Я думал, что смогу защитить его. Но я не смог.

Она слушала, затаив дыхание.

— Он погиб не от пули, — продолжал Себастьян. — Он погиб, потому что я не успел. Мы были в окопе, и начался обстрел. Я упал, ударился головой о камень, и на несколько секунд потерял сознание. Когда я очнулся, он лежал рядом, и... — Голос его дрогнул. — Всё, что я мог сделать, это смотреть, как он умирает. Я держал его за руку, пока его сердце не остановилось. Я слышал, как он говорит мне «Себ, не бойся, всё будет хорошо». Он утешал меня, когда умирал сам.

Ирис опустила кисть. Она чувствовала, как слёзы подступают к глазам, хотя не могла их видеть. Она слышала боль в его голосе, такую глубокую, что, казалось, она заполнила всю комнату.

— Поэтому вы считаете себя виноватым? — спросила она тихо.

— Я и есть виноват. Если бы я не упал, если бы я был быстрее, если бы я...

— Если бы вы были Богом, — перебила она, — вы могли бы изменить всё. Но вы человек. Вы не можете быть везде и всё контролировать.

Он не ответил. Она слышала, как его дыхание изменилось — стало неровным, как будто он сдерживал слёзы. Она встала и подошла к нему. Она не видела его, но она чувствовала его присутствие, его боль, его страх. Она протянула руку и коснулась его плеча. Он вздрогнул, но не отодвинулся.

— Ваш брат не винит вас, — сказала она. — Я уверена в этом. Если он любил вас так, как вы говорите, он хотел, чтобы вы жили. Чтобы вы были счастливы.

— Я не знаю, как быть счастливым, — прошептал он.

— Тогда я помогу вам. Я научу вас.

Она убрала руку и вернулась к мольберту. Она слышала, как он смотрит на неё — хотя не видела, но чувствовала его взгляд на своей спине, на своих плечах, на своих руках, которые держали кисть. Он смотрел так, словно видел в ней что-то, чего не видел ни в ком другом.

— Продолжим? — спросила она.

— Да, — сказал он. — Продолжим.

Остаток дня прошёл в молчании. Но это было молчание, наполненное смыслом, как тишина после долгого разговора. Ирис писала, слушая его дыхание, его мысли, его секреты. Она чувствовала, что между ними рушится последняя стена. И это было началом чего-то важного.

Ближе к вечеру она собралась уходить, но он остановил её.

— Ирис, — сказал он. — Я хочу вам кое-что показать.

Она замерла у двери.

— Что?

— Идёмте со мной.

Он подошёл к ней, и она слышала, как его трость стучит по полу. Он взял её за руку — осторожно, словно боялся причинить боль, — и повёл за собой. Она позволила себя вести. Она чувствовала его руку — тёплую, сухую, с лёгкими мозолями от трости. Она слышала его дыхание, ровное и спокойное, хотя знала, что внутри он всё ещё дрожит.

Они прошли через холл, через коридор, через несколько дверей. Ирис чувствовала, как воздух меняется — становится прохладнее, влажнее. Они спустились вниз. Лестница была каменной, и шаги звучали глухо, как в подzemелье. Она поняла, что они направляются в подвал.

Он остановился перед дверью, которая, как она поняла по эху, была железной. Ключ повернулся в замке, и дверь открылась с протяжным скрипом. Воздух стал ещё прохладнее, и запах соли усилился. Она слышала, как вода капает где-то вдалеке.

— Это моя мастерская, — сказал он. — Или то, что от неё осталось.

Она шагнула внутрь. Здесь пахло старым деревом, маслом, краской и ещё чем-то — сладким, почти знакомым. Она провела рукой по стене и нащупала ткань — холст. Несколько холстов, прислонённых к стене. Она коснулась одного из них, и пальцы узнали текстуру — масляная краска, засохшая, старая.

— Вы рисовали, — сказала она. — До войны.

— Да, — ответил он. — Я тоже был художником. Не таким талантливым, как вы, но... я любил это. После того как меня ранили, я не мог больше держать кисть. Моя рука дрожала так, что я не мог провести ровную линию. Я спрятал всё здесь, в подвале. И забыл. Но когда вы приехали, я вспомнил.

Она почувствовала, как его рука сжала её локоть — осторожно, почти умоляюще.

— Я хочу, чтобы вы посмотрели на них. На мои старые работы. Скажите мне, что вы видите.

Ирис наклонилась и провела пальцами по поверхности холста. Она чувствовала линии, мазки, цвета, которые она не могла видеть, но могла представить. Она видела их пальцами — так, как она научилась видеть всё. Она чувствовала горы, лес, небо, людей. Она чувствовала его душу, вложенную в каждую линию, в каждый цвет.

— Я вижу тоску, — сказала она. — И красоту. И страх. И надежду. Вы были хорошим художником, Себастьян.

— Был, — сказал он. — Но я хочу стать им снова. С вашей помощью.

Она повернулась к нему.

— Я не могу дать вам зрение, — сказала она. — Но я могу показать вам, как видеть иначе. Как я.

Он не ответил. Но она услышала, как его дыхание изменилось — стало глубже, наполнилось смыслом. Она коснулась его руки, и он сжал её пальцы.

— Я хочу, чтобы вы научили меня, — прошептал он.

— Тогда я научу вас, — ответила она. — Завтра мы начнём.

Они вышли из подвала и поднялись наверх, в мир, где снова было светло. Но Ирис знала, что тот свет, который она чувствовала внутри себя, был другим. Он был тихим и глубоким, как море. И она была готова погрузиться в него вместе с ним.

Вечер они провели в библиотеке. Он читал ей вслух — стихи Уитмена, которые она любила с детства. Она слушала его голос, как он ложится на слова, как делает паузы, где его дыхание становится глубже. Она закрыла глаза и позволила себе погрузиться в звуки.

— «Я праздную себя и пою себя, и то, что я принимаю, ты тоже примешь», — читал он. — Помните?

— Помню, — сказала она. — Это мои любимые строки. «Ибо всякий атом, принадлежащий мне, принадлежит тебе».

— Почему вы любите эти строки?

— Потому что они о связи, — ответила она. — О том, что мы все едины. Что моя тьма — не моя, а твоя, и твой свет — не твой, а мой. Мы делим всё, даже если не видим этого.

Он замолчал. Она слышала, как он смотрит на неё, как его глаза, которые она не видела, рассматривают её лицо, её волосы, её руки, лежащие на коленях.

— Я никогда не встречал никого, кто думал бы так, как вы, — сказал он.

— Я никогда не встречала никого, кто смотрел бы так, как

вы, — ответила она. — Даже не видя вас, я чувствую ваш взгляд.

Тишина снова заполнила комнату. Но на этот раз она была другой — мягкой, тёплой, как одеяло, в которое можно укутаться. Ирис почувствовала, как её сердце бьётся быстрее. Она знала, что это опасная дорога, что она может потеряться в этом человеке, в его боли и в его тишине. Но она не могла остановиться. Она не хотела останавливаться.

Когда она поднялась в свою комнату, Мэри уже ждала её. — Мисс, вы сегодня поздно. Я уже беспокоилась. — Не беспокойся, Мэри. Всё хорошо. — Хорошо? — переспросила Мэри. — Вы бродите по этому дому с этим... с этим человеком. Он пугает меня, мисс. Я слышала, что говорят слуги.

— И что же они говорят?

— Говорят, что он не человек. Что он заключил сделку с дьяволом, чтобы выжить на войне. Что в доме водятся призраки, и он один из них.

Ирис рассмеялась — тихо, но искренне.

— Мэри, если бы я верила всему, что говорят слуги, я бы никогда не вышла из дома. Не бойся. Он просто человек, как и все мы. Только более одинокий.

— Он пугает меня, — повторила Мэри.

— Тогда молись за него, — сказала Ирис. — Молитвы помогают.

Она легла в постель и закрыла глаза. Она думала о нём,

о его голосе, о его руках, о его тайне. Она знала, что завтра будет новый день, и она будет на шаг ближе к разгадке его души. Она была готова.

Ночь прошла спокойно. Море шумело за окном, ветер завывал в трубах, и Ирис спала крепко, без снов. Она проснулась с чувством, что что-то изменилось. Что воздух стал легче, что стены перестали давить, что даже чайки за окном пели иначе.

Она оделась и спустилась в библиотеку. Он уже ждал её — стоял у окна, глядя на море. Когда она вошла, он повернулся.

— Я хочу показать вам кое-что, — сказал он.

— Что?

— Я хочу, чтобы вы увидели море. Так, как видите его вы. Она удивлённо наклонила голову.

— Я не вижу моря, Себастьян. Я его слышу.

— Тогда идите сюда, — сказал он, протягивая руку. — Я покажу вам, как оно выглядит.

Она подошла к нему, и он взял её руку. Он повёл её к окну и положил её ладонь на стекло.

— Чувствуете? — спросил он. — Это море. Оно сегодня спокойное, почти зеркальное. Волны медленно набегают на берег, и на их гребнях танцует солнечный свет.

— Как вы можете описывать то, чего не видите? — спросила она.

— Я помню, — сказал он. — Я помню, как оно выглядело до войны. И я помню, как оно выглядело в моих снах. Я хочу,

чтобы вы тоже его помнили.

Она улыбнулась и прижалась щекой к стеклу. Она чувствовала холод стекла, вибрацию ветра, ритм волн. И она могла представить его таким, как он говорил: спокойным, сияющим, бесконечным.

— Спасибо, — сказала она.

— Не за что.

Они стояли так несколько минут, молча, слушая, как море дышит. Ирис чувствовала, что этот момент останется с ней навсегда — момент, когда она почти увидела море глазами человека, который научился видеть иначе.

Сегодняшний день стал для неё откровением. Она не просто писала портрет — она открывала его душу слой за слоем, как старую книгу, страницы которой слиплись от времени. Она слышала, как он дышит, как он двигается, как иногда задерживает дыхание, когда она подходит слишком близко к его лицу, хотя не видит его. Она чувствовала, как его взгляд касается её волос, её рук, её губ, когда она сосредоточена на работе. Он не говорил об этом, но она знала. Она чувствовала это в его молчании.

После обеда они снова спустились в подвал. Он хотел показать ей свои старые работы, и она согласилась. Она провела пальцами по каждому холсту, впитывая их историю, их боль, их свет. Она слышала, как он стоит рядом, затаив дыхание, ждёт её вердикта.

— Эта, — сказала она, останавливаясь перед одним из

холстов. — Эта особенная. Что на ней?

Он подошёл ближе, и она услышала, как его голос изменился — стал мягче, почти нежным.

— Это портрет моей матери. Я написал его за год до её смерти. Она была красивой женщиной, Ирис.

— Я знаю, — сказала она. — Я чувствую это.

Она провела пальцами по линии его руки, по его плечам, по его лицу — так, как она делала это со всеми, кого хотела понять.

— У неё были тёплые руки, — сказала она. — И глаза, которые смотрели на вас с любовью. Вы любили её.

— Больше всего на свете, — сказал он.

Она убрала руку и повернулась к нему.

— Вы не виноваты, Себастьян. Ни в чём. Вы были ребёнком, когда она умерла. Вы не могли её спасти. Как вы не могли спасти брата. Иногда мы не можем спасти тех, кого любим. Но мы можем сохранить их память. И жить дальше.

Он не ответил, но она слышала, как его дыхание стало прерывистым, как он сжал кулаки. Она знала, что он плачет. Она сделала шаг вперёд и обняла его. Его тело было напряжённым, как струна, но постепенно он расслабился. Он обнял её в ответ, и она чувствовала, как его руки дрожат.

— Я никогда никому не рассказывал этого, — прошептал он.

— Знаю, — сказала она. — Поэтому я слушаю.

Они стояли в подвале, обнявшись, среди старых холстов

и забытых снов. И Ирис знала, что этот момент изменит их обоих навсегда.

Остаток дня они провели в библиотеке. Он читал ей стихи, а она сидела у камина, слушая его голос. Иногда она закрывала глаза, и тогда она видела его — не лицом, а душой.

К вечеру она почувствовала усталость, но не хотела уходить. Она хотела остаться здесь, в этой комнате, с этим голосом, с этим человеком, который становился ей всё ближе.

— Завтра я покажу вам сад, — сказал он. — Там есть место, где можно сидеть и слушать море. Это моё любимое место.

— Я буду ждать, — сказала она.

Она поднялась, чтобы уйти, но у двери остановилась.

— Себастьян, — сказала она. — Я хочу, чтобы вы знали: вы не один. Теперь у вас есть я.

Тишина в ответ была такой долгой, что она почти испугалась. Но потом он сказал:

— Спасибо, Ирис. Спасибо за всё.

Она улыбнулась и вышла.

В коридоре она остановилась, прислушиваясь к своему сердцу. Оно билось быстрее обычного, и она не могла понять почему. Она знала, что это опасно. Она знала, что её чувства могут привести к боли. Но она не могла остановиться. Она не хотела останавливаться.

Она поднялась в свою комнату и села у окна. Ветер приносил запах моря, и она думала о нём. О том, как он стоял

у окна, описывая ей море. О том, как он держал её руку. О том, как он плакал в её объятиях. Она чувствовала, что её жизнь больше не будет прежней. И она была готова к этому.

Завтра она увидит его снова. Завтра она продолжит писать его портрет. И завтра она сделает ещё один шаг к тому, чтобы понять, кто он на самом деле.

Она легла в постель, слушая шум моря, и заснула с мыслью о нём на губах. Ночь была тёплой и тихой, и сны её были полны света — того света, который она никогда не видела, но всегда чувствовала.

Она проснулась оттого, что кто-то плакал. Звук был тихим, почти неслышным, но в утренней тишине Рэйвенскрофта он казался оглушительным. Ирис села в постели, прислушиваясь. Плач доносился откуда-то снизу — может быть, из кухни, может быть, из коридора первого этажа. Голос был женским, молодым, и в нём слышалась такая безысходность, что у Ирис сжалось сердце.

Она встала, накинула халат и вышла в коридор. Босые ноги ступали по холодному дереву. Она двигалась на звук, как слепой корабль, следующий за маяком. Плач становился громче, когда она спускалась по лестнице. Она почти дошла до первого этажа, когда голос внезапно стих, словно его оборвали. Ирис замерла, прислушиваясь. Тишина. Только ветер за окнами и далёкий шум моря.

— Кто здесь? — спросила она в пустоту.

Никто не ответил. Но она слышала, как где-то рядом кто-

то дышит — неровно, со всхлипами, которые пытались сдержать. Она сделала шаг в сторону звука.

— Я не сделаю вам больно, — сказала она мягко. — Я просто хочу помочь.

Тишина. Потом шорох — кто-то прижался к стене, стараясь стать невидимым. Ирис протянула руку вперёд и коснулась плеча. Плечо было хрупким, дрожащим. Женщина, совсем молодая — по росту и по тому, как она вздрагивала.

— Вы та, которую зовут Элен? — спросила Ирис. — Горничная, которая приносила мне завтрак?

— Да, мисс, — прошептал голос, полный слёз. — Простите, я не хотела вас будить.

— Вы не разбудили. Я уже проснулась. — Ирис сжала её плечо. — Что случилось? Вы плакали.

— Нет, ничего, мисс. Я просто... просто устала.

— Элен, — сказала Ирис твёрдо, — я слепая, но я не глупая. Я слышу, когда кто-то плачет. И я слышу страх в вашем голосе. Кто-то сделал вам больно? Его светлость?

— Нет, нет, что вы! — Элен почти испугалась. — Его светлость никогда не поднимает руку на слуг. Он... он просто холодный, но он не злой.

— Тогда кто?

Элен молчала. Ирис слышала, как она кусает губы, как её дыхание становится неровным. Потом она сказала почти шёпотом:

— Я не могу сказать, мисс. Пожалуйста, не спрашивайте.

Если он узнает, что я говорила... — она всхлипнула, — он меня убьёт.

— Кто «он»?

— Я не могу. Простите. — Элен вырвалась из рук Ирис и убежала, быстро и бесшумно, как мышь, исчезающая в стене.

Ирис осталась стоять в коридоре, прислушиваясь к удаляющимся шагам. Её сердце билось быстрее. Он. Кто этот «он»? Не Себастьян — Элен сказала, что он не злой. Значит, кто-то ещё. Кто-то, кто может убить. Или, по крайней мере, угрожает убить. Она вспомнила вчерашнего посетителя, Уэллса, который требовал деньги и угрожал раскрыть тайну. Может быть, он? Или кто-то из слуг? Или сам дом, который, казалось, дышал злом?

Она вернулась в свою комнату, но не могла успокоиться. Она села у окна и долго слушала море, пытаясь унять дрожь в руках. Она не была трусихой — она пережила бомбёжку, потерю зрения, смерть отца, болезнь сестры. Но здесь, в этом доме, она чувствовала себя уязвимой. Стены давили, тайны окружали её, и она не знала, кому можно доверять.

В дверь постучали. Это была Мэри.

— Мисс, вы уже встали? Его светлость ждёт вас в саду. Он сказал, что утро сегодня тёплое, и вы можете позавтракать на свежем воздухе.

Ирис вздохнула. Себастьян. Он был её якорем в этом море неопределённости. Она решила, что скажет ему о случившемся. Может быть, он знает что-то, что может объяснить

странное поведение Элен.

Она оделась в простое платье цвета слоновой кости, которое Мэри приготовила для неё, и спустилась в сад. Воздух был прохладным, но солнце уже грело — она чувствовала его тепло на своей коже. Пахло розами и морем, и где-то вдалеке пели птицы. Она слышала его голос, когда он разговаривал с садовником, — тихий, но командный. Потом он заметил её, и его шаги направились к ней.

— Доброе утро, Ирис, — сказал он. — Вы хорошо спали?

— Не очень, — призналась она. — У меня был странный сон. И я слышала, как кто-то плакал ночью.

Он остановился. Она слышала, как его дыхание замерло на мгновение.

— Кто-то из слуг?

— Я думаю, это была Элен, горничная. Она плакала и говорила, что боится кого-то. Я спросила, кто ей угрожает, но она отказалась говорить.

Себастьян долго молчал. Потом он сказал:

— Элен — хорошая девушка. У неё были тяжёлые времена. Я поговорю с ней.

— Вы знаете, что её пугает?

— Знаю. Но это не моя тайна. И не ваша, Ирис. Прошу вас, не вмешивайтесь.

— Я не вмешиваюсь, — сказала она. — Я просто хочу помочь.

— Иногда помочь — значит не задавать вопросов, — от-

ветил он, и в его голосе послышалась сталь.

Она почувствовала укол обиды, но промолчала. Он был прав. Она была здесь как художница, а не как сыщица. Её задача — писать портрет, а не разгадывать тайны. Но что-то внутри неё не давало покоя.

Они сели за стол на террасе. Бриджит принесла завтрак — чай, тосты, свежие ягоды. Ирис ела молча, слушая, как он пьёт чай, как иногда вздыхает. Она чувствовала его напряжение, его желание что-то сказать и одновременно страх сказать слишком много.

— Себастьян, — начала она, — я не хочу вмешиваться в ваши дела. Но если вы когда-нибудь захотите рассказать мне, что здесь происходит, я буду слушать. Я умею слушать.

Он ничего не ответил. Но она слышала, как он отодвинул чашку и взял её за руку.

— Я знаю, — сказал он. — Именно поэтому я доверяю вам.

Они сидели так несколько минут, молча, глядя в сторону моря. Ирис чувствовала его пальцы на своей руке — сухие, тёплые, с едва заметным дрожанием. Она закрыла глаза и позволила себе просто быть. Быть здесь, с ним, в этом странном, прекрасном месте, которое одновременно пугало и притягивало.

После завтрака они пошли в сад. Он вёл её по дорожкам, описывая всё, что видел: старые дубы, кусты роз, клумбы с лавандой, пруд, в котором отражалось небо. Она слушала его

голос и чувствовала, как мир проступает перед ней — не в картинках, а в звуках и запахах.

Они остановились у старой каменной скамьи, откуда, по его словам, открывался вид на море.

— Это моё любимое место, — сказал он. — Иногда я прихожу сюда ночью, когда не могу уснуть. Я сижу здесь и слушаю волны. И мне кажется, что они говорят со мной.

— Что они говорят? — спросила она.

— Что жизнь продолжается. Что горе проходит. Что даже самые тёмные ночи сменяются рассветами.

Она улыбнулась.

— Мудрые волны.

— Они такие же, как вы, — сказал он. — Они не видят, но они чувствуют.

Она почувствовала, как краска заливает её щёки. Это был комплимент, самый нежный, который она получала. Она повернулась к нему, и хотя не могла видеть его, она хотела, чтобы он знал, как ей важно то, что он сказал.

— Спасибо, — прошептала она.

Он ничего не ответил. Но она слышала, как он смотрит на неё, как его взгляд касается её губ, её глаз, её рук. И она знала, что между ними происходит что-то, чему нет названия, но что было реальнее любого портрета.

Они вернулись в дом через час. Ирис чувствовала, что стала ближе к нему, но тайна Рэйвенскрофта всё ещё висела над ними, как туча. Она знала, что рано или поздно ей придётся

столкнуться с ней лицом к лицу. Но сегодня она была готова просто писать.

Она работала над портретом до обеда. Себастьян сидел в кресле, иногда читал, иногда просто молчал. Она слышала, как его дыхание меняется, когда он смотрит на неё. Она знала, что он наблюдает за её работой, хотя не подходит близко. Она чувствовала его присутствие как физическую тяжесть, которая успокаивала, а не давила.

После обеда она попросила его показать ей дом. Он согласился, и они пошли по коридорам, залам, комнатам, большинство из которых были заперты. Она слышала, как он останавливается перед каждой дверью, как его голос становится глуше, когда он говорит: «А здесь ничего интересного». Но она чувствовала, что он прячет что-то. Она знала, что в этом доме есть секреты, и один из них был в восточном крыле.

— Вы сказали, что в восточном крыле идёт ремонт, — сказала она, когда они проходили мимо лестницы, ведущей туда. — Я не слышу никакого шума.

— Ремонт приостановлен, — быстро ответил он. — Там проблемы с фундаментом. Опасно ходить.

Она не настаивала. Но она запомнила его голос — он звучал напряжённо, почти испуганно. Она решила, что однажды заглянет туда, когда он не будет рядом. Не из любопытства, а потому, что её интуиция подсказывала ей, что ответы на её вопросы находятся именно там.

Вечером они снова сидели в библиотеке. Он читал ей стихи — на этот раз Рилке, о тишине и свете. Она слушала его, закрыв глаза, и чувствовала, как слова проникают в самую глубину её души. Когда он закончил, она сказала:

— Я хочу написать ваш портрет по-другому. Не таким, какой вы есть сейчас. Таким, каким вы были до войны. До потери брата. До того, как вы закрылись от мира.

Он молчал так долго, что она почти подумала, что он не ответит.

— Я не помню себя таким, — сказал он наконец. — Я не знаю, был ли я когда-нибудь счастливым.

— Был, — сказала она. — Я слышу это в вашем голосе, когда вы рассказываете о брате. О матери. О том, как вы рисовали. Вы были счастливы, Себастьян. Просто вы забыли, как это чувствуется.

Она встала и подошла к нему. Она села на пол у его ног, как делала, когда была маленькой, и слушала, как её отец играет на фортепиано. Она положила голову ему на колени и сказала:

— Я помогу вам вспомнить.

Он не двигался. Она слышала, как его дыхание становится глубже, как его рука поднимается и касается её волос. Он гладил её волосы — медленно, нежно, словно боялся сломать что-то хрупкое. Она чувствовала его пальцы, их тепло, их ритм. Она закрыла глаза и позволила себе утонуть в этом моменте.

— Почему вы так добры ко мне? — спросил он шёпотом.

— Потому что вы этого заслуживаете, — ответила она. — Потому что каждый человек заслуживает доброты. Особенно тот, кто страдает в одиночестве.

Он ничего не сказал. Но его рука продолжала гладить её волосы, и она чувствовала, как его сердце бьётся быстрее. Она знала, что между ними происходит что-то большее, чем просто работа. Это было начало чего-то, что могло изменить их обоих.

Когда она поднялась в свою комнату, Мэри уже спала. Ирис села у окна и долго смотрела в ночь, слушая шум моря. Она думала о нём, о его руках, о его голосе. Она думала о том, что впервые за долгие годы она чувствует себя живой. Живой и напуганной одновременно.

Она легла в постель и закрыла глаза. Завтра будет новый день. И завтра она продолжит писать его портрет. И, возможно, завтра она сделает ещё один шаг к разгадке тайны, которая окутывала Рэйвенскрофт.

Но сегодня она просто хотела чувствовать. Чувствовать его присутствие рядом, даже на расстоянии. Чувствовать, что она не одна в этом тёмном, странном мире.

И она заснула с улыбкой на губах, зная, что утром он снова будет ждать её в библиотеке. И она снова услышит его голос, который стал для неё музыкой.

Следующие два дня прошли в подобном ритме. Утро — завтрак на террасе, потом работа в библиотеке, затем про-

гулки по саду или по дому. Ирис чувствовала, как между ними растёт доверие, как он начинает открываться ей с каждым днём. Он рассказывал о детстве, о том, как они с братом лазили по скалам и мечтали о путешествиях. Он говорил о матери, которая умерла, когда ему было шестнадцать, и о том, как он ненавидел отца за то, что тот был холодным и жестоким. Он рассказывал о войне, о траншеях, о людях, которых он потерял. И каждый раз, когда его голос срывался, она брала его за руку и сжимала.

Она не задавала вопросов о восточном крыле и о том, кто угрожал Элен. Она знала, что время придёт. Но пока она наслаждалась тем, что он доверяет ей. Это было больше, чем она могла надеяться.

На третий день, когда они сидели в саду на старой каменной скамье, он сказал:

— Ирис, я должен вам кое-что сказать. О восточном крыле.

Она затаила дыхание.

— Я не хочу, чтобы вы туда ходили. Там... там есть вещи, которые я не хочу, чтобы вы видели. Не потому, что я вам не доверяю, а потому что я хочу защитить вас.

— От чего?

— От прошлого. От того, что я сделал. От того, что я не могу изменить.

Она повернулась к нему.

— Вы ничего не можете сделать, что заставило бы меня

уйти. Я не боюсь вашего прошлого, Себастьян. Я боюсь только одного — потерять вас.

Тишина повисла между ними. Она слышала, как его дыхание становится неровным, как он смотрит на неё с болью и надеждой.

— Вы не потеряете меня, — сказал он, и его голос был таким тихим, что она почти не услышала его. — Я не позволю этому случиться.

Она почувствовала, как он взял её за руку и поднёс к губам. Его поцелуй был лёгким, почти невесомым, но он заставил её сердце биться быстрее. Она знала, что это начало. Начало чего-то, что изменит их обоих.

И она была готова.

На следующий день она решила, что пора узнать правду. Пока Себастьян был занят встречами с поверенным (он сказал, что это связано с делами поместья), она попросила Мэри помочь ей добраться до восточного крыла. Сначала Мэри отказывалась, но Ирис была настойчива.

— Мэри, я должна увидеть это. Ты будешь рядом. Если что-то пойдёт не так, мы уйдём.

— Мисс, я боюсь, — прошептала Мэри.

— Я тоже боюсь. Но я должна знать.

Они пошли по коридору, ведущему в восточное крыло. Дверь была заперта, но ключ висел на гвозде рядом — глупая оплошность, которую кто-то допустил. Ирис вставила ключ в замок, и он повернулся с лёгким щелчком.

Дверь открылась, и в лицо ей ударил запах — пыль, плесень, старое дерево и что-то ещё, сладкое и металлическое, похожее на кровь. Она сделала шаг вперёд, и её нога наткнулась на что-то мягкое. Она наклонилась и провела рукой по полу — это был ковёр, но он был влажным и липким.

— Мэри, — сказала она, — что ты видишь?

Мэри молчала. Ирис слышала, как она зажала рот рукой, чтобы не закричать.

— Мисс... там... там кто-то лежит, — прошептала она.

Ирис медленно двинулась вперёд. Она слышала слабое дыхание — прерывистое, почти не слышное. Она опустилась на колени и коснулась чьего-то лица. Это была женщина. Она была жива, но едва дышала.

— Элен? — спросила Ирис.

Ответа не было.

— Мэри, беги за помощью. Срочно.

Мэри бросилась прочь, а Ирис осталась рядом с женщиной. Она держала её за руку, чувствуя, как таяла жизнь. Она поняла, что восточное крыло хранило секреты, о которых она даже не догадывалась.

И теперь она должна была узнать правду. Ради себя. И ради него.

Глава 3. Правда, которую не видят глаза

Мэри вернулась через несколько минут. Ирис слышала её шаги — быстрые, панические, сопровождаемые топотом ещё чьих-то ног. Это был Себастьян. Она узнала его по походке — неровной, с хромотой, но стремительной, словно он забыл о своей боли. Его дыхание было тяжёлым, прерывистым, когда он ворвался в комнату.

— Ирис! — его голос был хриплым, почти истеричным. — Что вы здесь делаете? Я же просил вас не ходить сюда!

Она не успела ответить. Он уже был рядом, опустился на колени, и она услышала, как он коснулся тела на полу.

— Элен, — прошептал он, и в его голосе было столько боли, что Ирис вздрогнула. — Что с ней?

— Я не знаю, — ответила Ирис. — Я нашла её такой. Она дышит, но очень слабо. Я думаю, она потеряла много крови.

Себастьян выругался — тихо, но с такой яростью, что Ирис почувствовала, как вибрация его голоса прошла по её коже. Она слышала, как он поднимает Элен на руки, как её тело безвольно обвисает в его объятиях.

— Врач, — сказал он. — Я вызову врача. Бриджит! — закричал он, и его голос эхом разнёсся по коридору. — Немедленно вызывай доктора Уэбба! Скажи, что это срочно!

Ирис слышала, как Бриджит бежит по лестнице, как хло-

пает входная дверь. Потом Себастьян повернулся к ней.

— Я отведу её в её комнату. Вы должны вернуться к себе. Сейчас.

— Нет, — сказала Ирис твёрдо. — Я не оставлю вас. Я могу помочь. Я не вижу, но я могу слышать, могу чувствовать. Я могу быть рядом.

Он ничего не ответил. Она слышала, как он разворачивается, как его шаги удаляются, неся на руках тело. Она пошла за ним, следуя за звуком его дыхания, за шарканьем его ног.

Комната Элен была маленькой, тесной, пахло сыростью и дешёвым мылом. Ирис слышала, как он укладывает девушку на кровать, как он тяжело дышит, как его руки дрожат, когда он пытается перевязать ей рану. Она стояла в дверях, слушая.

— Что случилось? — спросила она.

— Она порезалась, — ответил он, и его голос звучал глухо, словно он говорил не с ней, а с самим собой. — Стекло. Она уронила лампу и поранилась. Я... я пытался помочь ей, но она убежала. Я не знал, что она так сильно ранена.

— Вы лжёте, — сказала Ирис спокойно. — Я слышу это в вашем голосе.

Тишина повисла в комнате, такая плотная, что её можно было резать ножом. Ирис слышала его дыхание — оно стало быстрее, глубже, словно он боролся с желанием что-то сказать. Потом он медленно выдохнул.

— Вы правы, — сказал он. — Я лгу. Но я не могу расска-

зать вам правду. Не сейчас.

— Почему?

— Потому что, если я расскажу, вы уйдёте. А я... я не хочу, чтобы вы уходили.

Она сделала шаг вперёд и протянула руку. Она нашла его плечо и сжала его, чувствуя, как его мышцы напряжены, как он дрожит.

— Я не уйду, — сказала она. — Клянусь. Я не оставлю вас, что бы вы ни сказали. Просто доверьтесь мне.

Он не ответил. Но она чувствовала, как его дыхание становится медленнее, как он расслабляется под её рукой. Он взял её ладонь и прижал к своей щеке. Кожа была горячей, влажной, и она чувствовала, как бьётся его пульс.

— Вы не понимаете, — прошептал он. — Есть вещи, которые я не могу... которые я не должен рассказывать. Они слишком тёмные.

— Я не боюсь темноты, — сказала она. — Я живу в ней.

Он долго молчал. Потом сказал:

— Когда врач придёт, я всё вам расскажу. Обещаю.

Она кивнула, хотя знала, что он не видит её кивка. Она осталась в комнате, пока врач не приехал — она слышала, как внизу открывается дверь, как шаги поднимаются по лестнице. Голос врача был спокойным, профессиональным, но она слышала тревогу в его дыхании. Он осмотрел Элен, перевязал рану, дал какие-то лекарства. Потом вышел и сказал Себастьяну:

— Она потеряла много крови, но жива. Если она проснётся в ближайшие несколько часов, она поправится. Если нет... — он пожал плечами.

Себастьян не ответил. Ирис слышала, как он стоит у двери, неподвижный, как статуя. Когда врач ушёл, она подошла к нему.

— Вы обещали рассказать мне правду.

— И я расскажу, — сказал он. — Но не здесь. Пойдёмте в библиотеку.

Они пошли молча. Ирис слышала его шаги — неровные, но уверенные. Она чувствовала его напряжение, его страх. Она знала, что то, что он собирается сказать, изменит всё.

В библиотеке он закрыл дверь и остановился у камина. Она села в кресло, не видя его, но чувствуя его присутствие — тёплое, дрожащее, почти осязаемое.

— Элен не просто порезалась, — начал он. — Она пыталась покончить с собой. И это не первый раз.

Ирис затаила дыхание.

— Почему?

— Потому что она знает то, чего не должна знать. Мою тайну. И она боится, что я... что я сделаю с ней что-то, если она расскажет.

— Что за тайна?

Он вздохнул — глубоко, с болью, которая была старше его самого.

— Вы знаете, что я был на войне. Вы знаете, что я потерял

брата. Но вы не знаете, что я сделал, чтобы выжить.

Он замолчал. Она слышала, как он сжимает кулаки, как его дыхание становится неровным.

— Я был в плену. Немцы взяли меня в плен после того, как я потерял сознание в окопе. Я был там шесть месяцев. Они... они делали со мной ужасные вещи. Я не хочу говорить об этом. Но когда меня освободили, я был не тем человеком, которым был раньше. Я стал тем, кто способен на всё, чтобы выжить. И когда я вернулся домой, я обнаружил, что мой брат... что он мёртв. Что он погиб не на войне. Он погиб, потому что я не смог его защитить, потому что я был слабым.

— Вы не были слабым, — сказала она.

— Был. Но я решил, что больше никогда не буду слабым. Я стал жестоким. Я выгнал всех, кто мог узнать правду. Я запер себя в этом доме и никого не впускал. А Элен... она была горничной моего брата. Она знала его. Она знала, что я мог сделать, чтобы защитить его. И она боится, что я сделаю то же самое с ней.

Ирис чувствовала, как слёзы подступают к её глазам. Она встала и подошла к нему.

— Вы не сделаете ей больно, — сказала она. — Я знаю это.

— Откуда вы знаете?

— Потому что вы любили своего брата. И потому что вы не тот человек, каким себя считаете. Вы просто забыли, как быть добрым. Но я вижу вас. Я не вижу вашего лица, но я

вижу вашу душу. И она не тёмная.

Он обнял её так крепко, что она почти не могла дышать.

— Спасибо, — прошептал он. — Спасибо, что вы есть.

Она не ответила. Она просто стояла в его объятиях и чувствовала, как его сердце бьётся рядом с её сердцем. Она знала, что этот момент изменит их навсегда.

Они стояли так долго, что время потеряло смысл. Ирис чувствовала его дыхание на своих волосах, его руки на своей спине, его тепло, которое проникало сквозь одежду и согревало её изнутри. Она не хотела, чтобы этот момент кончился. Она хотела остаться здесь, в его объятиях, навсегда.

Но он отпустил её и сказал:

— Я обещал вам правду. Но это ещё не всё. Есть кое-что ещё, что вы должны знать.

Она ждала.

— Война не только сломала меня физически, — сказал он медленно, словно каждое слово стоило ему огромных усилий. — Она сломала меня морально. Когда я вернулся, я не мог смотреть на себя в зеркало. Я ненавидел себя за то, что остался жив, а Томас — нет. Я начал пить. Я стал агрессивным. Однажды ночью, в приступе ярости, я напал на человека, который случайно задел меня на улице. Я чуть не убил его. Меня арестовали, но потом отпустили — связи, деньги. С тех пор я живу здесь, как в тюрьме. Я боюсь себя. Я боюсь, что однажды я снова потеряю контроль и причиню кому-то боль.

Ирис слушала, и внутри неё всё сжималось. Она чувствовала его боль, его стыд, его страх. Она знала, что сказать ему, что он не монстр, но она понимала, что слова не помогут. Только время и доверие могли исцелить его.

— Я не боюсь вас, — сказала она. — И я не уйду. Я останусь здесь, пока вы не поверите, что вы достойны любви.

Он не ответил. Но она слышала, как его дыхание изменилось — стало глубже, спокойнее. Она знала, что она сделала правильный выбор.

Остаток вечера они провели в тишине. Он сидел у камина, она — рядом, и они слушали, как огонь потрескивает, как дрова шипят. Иногда он брал её за руку, и она сжимала его пальцы. Это были самые долгие, самые спокойные часы в её жизни.

Позже она поднялась в свою комнату. Мэри уже ждала её, взволнованная и испуганная.

— Мисс, я слышала, что случилось. Вы в порядке?

— Я в порядке, Мэри. А вот Элен... надеюсь, она поправится.

— Что вы там нашли?

— Правду, Мэри. Я нашла правду, которую искала.

Она легла в постель и долго лежала, глядя в темноту. Она думала о нём — о его голосе, о его руках, о его глазах, которые она никогда не видела, но которые, она знала, смотрели на неё с такой же любовью, как она смотрела на него мысленно.

Она поняла, что влюблена в него. И это было самое страшное и самое прекрасное, что когда-либо случилось с ней.

На следующее утро она проснулась рано. Она чувствовала, что сегодня что-то изменится. Она оделась и спустилась в библиотеку, но его там не было. Она прошла в столовую — тоже пусто. Она начала беспокоиться.

Она нашла его в саду. Он сидел на старой каменной скамье и смотрел на море. Когда она подошла, он повернулся.

— Доброе утро, — сказала она.

— Доброе утро, — ответил он. — Я ждал вас.

Она села рядом. Ветер дул с моря, и она чувствовала его солёный вкус на своих губах.

— Я хочу попросить вас кое о чём, — начал он.

— О чём?

— Я хочу, чтобы вы нарисовали меня таким, какой я есть. Не мою душу, не моё прошлое. Меня. Моё лицо. Мои шрамы.

Она удивилась.

— Но вы не хотите, чтобы кто-то видел их.

— Я не хочу, чтобы кто-то видел их. Но я хочу, чтобы вы их увидели. И если вы их увидите, и не отвернётесь, тогда я пойму, что вы действительно меня принимаете.

Она молчала. Она чувствовала, как он ждёт её ответа, как его дыхание замерло.

— Я сделаю это, — сказала она. — Но я должна предупредить вас: я не могу обещать, что моя реакция будет той,

которую вы ожидаете. Я не знаю, как яотреагирую. Я никогда не видела такого, как вы описываете. Но я знаю, что я останусь с вами, что бы я ни увидела.

Он взял её за руку и поцеловал её пальцы.

— Спасибо, — сказал он.

Она вернулась в дом, чтобы подготовиться. Она натянула свежий холст, приготовила краски, кисти. Она сидела у мольберта и ждала его, чувствуя, как её сердце бьётся быстрее.

Когда он вошёл в комнату, она услышала, как его шаги остановились у входа. Он стоял, не решаясь приблизиться.

— Я готов, — сказал он.

Она повернулась к нему.

— Тогда подойдите. Мне нужно почувствовать ваше лицо. Я должна провести по нему пальцами, чтобы понять его форму, его линии.

Он замер. Она слышала, как его дыхание стало неровным.

— Вы боитесь, — сказала она.

— Да, — признался он. — Я боюсь, что вы испугаетесь. Что вы отшатнётесь.

— Я не отшатнусь, — сказала она. — Я обещаю.

Он медленно подошёл к ней. Она слышала, как он стоит перед ней — близко, но достаточно далеко, чтобы она не могла его коснуться.

— Вы можете сесть, если хотите, — сказала она. — Или стоять. Как вам удобнее.

— Я постою.

Она протянула руку и коснулась его лица. Она чувствовала его кожу — тёплую, гладкую на щеке, и другую, с изрытой поверхностью, с глубокими шрамами, которые шли от виска до подбородка. Она провела пальцами по этим линиям, чувствуя их текстуру, их глубину. Она слышала, как он сдерживает дыхание, как его сердце бьётся быстрее.

— Это всего лишь шрамы, — сказала она. — Они не делают вас уродливым. Они делают вас тем, кто вы есть. Человеком, который выжил.

Она провела рукой по его лбу, по бровям, по его глазам — закрытым, но она чувствовала их форму, их длину ресниц. Она коснулась его носа, его губ, его подбородка. Она запомнила каждую линию, каждую тень.

— Я готова, — сказала она.

Она вернулась к мольберту и начала писать. Она писала его таким, каким он был, с его шрамами, с его болью, с его красотой. Она писала не то, что видела, а то, что чувствовала. Она писала его душу, которая светилась даже сквозь тени.

Когда она закончила, она отложила кисть и повернулась к нему.

— Я закончила. Вы хотите посмотреть?

— Нет, — сказал он. — Я хочу, чтобы вы сказали мне, что вы видите.

Она подошла к нему и взяла его за руку.

— Я вижу вас, — сказала она. — Настоящего вас. Не идеального, не совершенного. Просто человека. И я вижу, что вы прекрасны. Не потому, что у вас нет шрамов, а потому, что они есть.

Он не ответил. Но она чувствовала, как его рука дрожит в её руке, как он смотрит на неё, не веря тому, что слышит.

— Ирис, — сказал он, и его голос был хриплым, почти сломленным. — Я люблю вас.

Она замерла. Она знала, что он скажет это, но слова всё равно поразили её в самое сердце.

— Я тоже люблю вас, — сказала она.

Он обнял её, и она чувствовала, как его слёзы падают на её плечо. Она гладила его по голове, по спине, чувствуя, как его тело расслабляется в её объятиях.

— Я не знаю, что будет дальше, — сказал он. — Но я знаю, что не хочу терять вас.

— Вы не потеряете меня, — сказала она. — Я буду здесь. Всегда.

Они стояли так долго, что за окном начало темнеть. Море шумело, ветер завывал в трубах, но они не замечали ничего, кроме друг друга.

Когда она поднялась в свою комнату, Мэри уже ждала её.

— Мисс, у вас такой вид... вы влюблены, — сказала она.

— Да, Мэри, — ответила Ирис. — Я влюблена. И это самое прекрасное чувство в мире.

Она легла в постель, и её сны были полны света — то-

го света, который она никогда не видела, но который теперь всегда чувствовала рядом с ним.

Следующие дни были самыми счастливыми в её жизни. Она просыпалась с мыслью о нём, засыпала с его именем на губах. Они проводили вместе целые дни — он читал ей, она рисовала, они гуляли по саду, слушали море, разговаривали о будущем. Он стал мягче, спокойнее, доверчивее.

Элен поправилась. Она пришла к Ирис через неделю и сказала:

— Мисс, спасибо вам. Я хочу извиниться за то, что испугала вас. Я не хотела, чтобы вы видели меня такой.

— Всё в порядке, Элен, — сказала Ирис. — Главное, что вы живы.

— Я знаю, что его светлость рассказал вам правду. Он сказал мне. Я хочу сказать вам, что он не такой, каким кажется. Он добрый. Просто он боится быть добрым.

— Я знаю, — сказала Ирис. — Я тоже боюсь иногда. Но мы учимся.

Элен кивнула и ушла. Ирис сидела в саду и чувствовала, как внутри неё разливается тепло. Она знала, что её жизнь изменилась навсегда. И она была благодарна за это.

Однажды вечером, когда они сидели в библиотеке, он сказал:

— Я хочу кое-что тебе показать.

— Что?

Он взял её за руку и повёл её в восточное крыло. Она чув-

ствовала, как он нервничает, как его пальцы дрожат.

Они остановились у двери. Он открыл её, и в лицо ей ударил запах — свежий, чистый, похожий на море и розы.

— Я хочу, чтобы ты видела, что я сделал, — сказал он. — Я хочу, чтобы ты знала, что твоя любовь изменила меня.

Она сделала шаг вперёд. Она чувствовала, что она стоит в комнате, полной света — солнечного света, который проникал через окна. Она слышала, как ветер шевелит занавески, как где-то в углу журчит фонтан.

— Что это? — спросила она.

— Это моя мастерская, — сказал он. — Новая мастерская. Я перестроил её для тебя. Здесь есть всё, что тебе нужно — свет, пространство, вдохновение.

Она повернулась к нему.

— Ты сделал это для меня?

— Да. Я хочу, чтобы ты осталась здесь. Навсегда.

Она не могла говорить. Слезы текли по её щекам, но она не вытирала их. Она шагнула к нему и обняла его.

— Я останусь, — прошептала она. — Я останусь навсегда.

Они стояли в новой мастерской, залитой светом, и Ирис знала, что это начало новой жизни. Жизни, в которой не было тьмы — только свет, любовь и надежда.

Они стояли в новой мастерской, залитой светом, и Ирис чувствовала, как этот момент отпечатывается в её памяти навсегда — не зрительно, а всеми остальными чувствами. Она слышала, как ветер играет с занавесками, как где-то за ок-

ном кричат чайки, как тихо журчит вода в маленьком фонтане, который, как она поняла по звуку, стоял в углу. Она чувствовала запах свежей краски, дерева и роз, которые, должно быть, стояли в вазе на подоконнике. И она чувствовала его присутствие — тёплое, надёжное, настоящее.

Он всё ещё держал её за руку, и его пальцы слегка дрожали.

— Ты не представляешь, как долго я ждал этого момента, — сказал он тихо. — Я думал, что никогда не смогу никому открыться. А ты приехала — и всё изменилось.

— Я тоже ждала, — ответила она. — Всю свою жизнь я ждала кого-то, кто увидит меня настоящую, несмотря на мою слепоту. И я нашла тебя.

Он поднёс её руку к губам и поцеловал, и она почувствовала, как его дыхание коснулось её кожи.

— Я хочу, чтобы ты знала: что бы ни случилось, я никогда не отпущу тебя.

— Я тоже, — прошептала она.

Они стояли так долго, обнявшись, слушая, как дом дышит вокруг них. Ирис чувствовала, что этот момент — самый важный в её жизни. Она была готова идти с ним до конца, что бы их ни ждало.

Первые дни в новой мастерской были наполнены тихим счастьем. Каждое утро Ирис спускалась в восточное крыло и начинала работать. Себастьян часто сидел рядом, читал вслух или просто смотрел, как она пишет. Иногда он брал

кисть и пытался рисовать рядом с ней — неуверенно, словно заново учился держать инструмент. Она слышала, как его рука скользит по холсту, как он дышит сосредоточенно, как иногда вздыхает от досады.

— У тебя всё получится, — говорила она. — Просто не торопись.

— Я забыл, как это делать, — отвечал он. — Моя рука больше не слушается меня.

— Твоя рука помнит. Ты просто должен позволить ей вспомнить.

Она подходила к нему и клала свою ладонь поверх его, направляя его движения. Она чувствовала, как его мышцы напряжены, как он сдерживает дыхание. Она вела его руку, создавая линии, тени, формы. Он постепенно расслаблялся, и его мазки становились увереннее.

Однажды он сказал:

— Ты — моя муза. Не только в искусстве. Во всём.

— Я не муза, — ответила она. — Я просто человек, который любит тебя.

Он ничего не сказал, но она чувствовала, как он смотрит на неё, как его взгляд теплеет.

Прошло несколько дней. Ирис работала над новым портретом — на этот раз не его, а того, кем он был до войны. Она писала по его рассказам, по его голосу, по тем ощущениям, которые она получала, когда он говорил о прошлом. Она чувствовала, как образ проступает на холсте — моло-

дой человек с открытым лицом, с мечтами, с надеждами. Она знала, что это правильно.

— Я хочу показать тебе кое-что, — сказал он однажды вечером. — Это касается моего брата.

Он принёс старый альбом с фотографиями. Она чувствовала, как он перелистывает страницы, как его пальцы задерживаются на некоторых снимках.

— Вот он, — сказал он. — Томас. Ему было двадцать два, когда он ушёл на войну.

Она протянула руку, и он вложил в неё фотографию. Она провела пальцами по поверхности, чувствуя контуры лица, улыбку, глаза. Она могла представить его — молодого, живого, полного сил.

— Он похож на тебя, — сказала она.

— Ты не видишь.

— Я чувствую. У него такие же линии лица. Такая же улыбка, я уверена.

Он засмеялся — тихо, но искренне.

— Ты права. Мы были очень похожи. Люди часто путали нас.

— Ты скучаешь по нему?

— Каждый день. Но теперь, когда ты здесь, мне стало легче. Я знаю, что он бы тебя полюбил. Он всегда любил людей с добрым сердцем.

Она взяла его за руку и сжала.

— Я хочу узнать о нём больше. О том, каким он был. Рас-

скажи мне.

И он рассказывал. О том, как они лазили по скалам, как мечтали стать моряками, как он учил Томаса читать, когда тот был маленьким. Он рассказывал о смехе брата, о его любви к музыке, о том, как тот играл на скрипке. Каждый рассказ приносил ему боль, но и облегчение — словно он делился грузом, который нёс слишком долго.

Ирис слушала, и перед ней вырастал образ человека, которого она никогда не встретит, но которого уже полюбила заочно. Она понимала, что часть её любви к Себастьяну была также любовью к его брату, к той части его души, которая жила в нём.

Однажды, когда Себастьян ушёл по делам, Ирис осталась одна в мастерской. Она слышала, как дом затихает вокруг неё, как ветер завывает в трубах. Она почувствовала странное беспокойство. Что-то не давало ей покоя.

Она встала и начала бродить по комнате, касаясь вещей, которые он принёс сюда — старых книг, рамок с фотографиями, коробок, которые он, возможно, забыл разобрать. Она наткнулась на ящик, стоящий в углу. Он был тяжёлым, и когда она открыла его, оттуда пахнуло старым деревом и бумагой.

Она достала содержимое — стопку писем, перевязанных лентой. Она провела пальцами по бумаге, чувствуя, что они старые, пожелтевшие, с выцветшими чернилами. Она села на пол и начала перебирать их, не видя, но чувствуя каждую

строчку.

Письма были от Томаса. Она поняла это по подписи, которую она ощутила пальцами — «Твой брат, Томас». Она начала читать, прикасаясь к словам, которые были выдавлены на бумаге. Некоторые строчки были стёрты, но большинство сохранилось.

«Себ, я пишу тебе из окопа. Здесь холодно и сыро, но я не жалуясь. Я думаю о доме, о том, как мы сидели в саду и смотрели на море. Помнишь? Я так хочу вернуться туда. Я хочу увидеть тебя. Мы снова будем сидеть там, я обещаю. Береги себя. Твой брат, Томас».

Следующее письмо было более мрачным:

«Себ, я боюсь. Здесь каждый день кто-то умирает. Я не знаю, смогу ли я вернуться домой. Но если я не вернусь, прошу тебя: не вини себя. Я знаю, что ты заботишься обо мне. Я знаю, что ты сделал бы всё, чтобы защитить меня. Помни: я люблю тебя. Твой брат, Томас».

Ирис чувствовала, как слёзы текут по её щекам. Она понимала, что эти письма были последними. Последними словами человека, который знал, что может не вернуться.

Она сложила их обратно и завязала ленту. Она знала, что должна сказать ему об этом. Она должна показать ему, что он не один, что его боль разделяют. Но она боялась, что это может открыть старые раны.

Вечером, когда они сидели в библиотеке, она взяла его за руку и сказала:

— Я нашла письма. Письма Томаса. Я прочитала их.

Он замолчал. Она чувствовала, как его дыхание остановилось, как он сжал её пальцы.

— Это были последние письма, — сказал он. — Я хранил их все эти годы. Я не мог их выбросить. И не мог перечитывать.

— Я понимаю, — сказала она. — Но я хочу, чтобы ты знал: он не винил тебя. Он любил тебя. Он хотел, чтобы ты жил.

— Я знаю, — прошептал он. — Но иногда я забываю об этом.

— Тогда я буду напоминать тебе. Каждый день. Пока ты не согласишься.

Он обнял её, и она чувствовала, как его плечи вздрагивают от беззвучных слёз. Она гладила его по спине и шептала слова утешения, пока он не успокоился.

После того вечера что-то изменилось между ними. Ирис чувствовала, что он стал доверять ей ещё больше, что он начал смотреть в будущее, а не только в прошлое. Он чаще улыбался, чаще говорил о планах, о том, что они могли бы сделать вместе. Он предложил поехать в Лондон, чтобы показать ей своё любимое место в парке, где они могли бы сидеть и слушать музыку. Он говорил о том, как хочет выйти в свет, перестать прятаться.

Она знала, что это большой шаг для него. И она была готова идти с ним.

Но тени прошлого не отпускали так легко.

Через несколько дней после того, как она прочитала письма, в Рэйвенскрофт снова приехал Уэллс. Она слышала его голос в холле — грубый, настойчивый, полный угроз.

— Я знаю, что он здесь, — кричал Уэллс. — Я знаю, что он скрывается. Передай ему: если он не заплатит, я расскажу правду. Всю правду. О том, что случилось с его братом.

Ирис вышла в холл. Она не видела, но чувствовала, как он стоит в дверях, как его дыхание пахнет табаком и виски.

— Оставьте его в покое, — сказала она спокойно. — Он не должен вам ничего.

— А ты кто такая? — спросил Уэллс, и в его голосе слышалось удивление. — Его новая игрушка? Слепая девочка, которая не видит, с кем связалась?

— Я вижу больше, чем вы, — ответила она. — Я вижу, что вы пугаете людей, чтобы получить деньги. Вы шантажист.

— А ты — дура, — сказал он. — Он убил своего брата. Он не вытащил его из окопа. Он оставил его умирать.

Ирис почувствовала, как её сердце замерло. Она знала, что это неправда. Она слышала его голос, когда он рассказывал о Томасе. Она знала, что он любил его.

— Убирайтесь, — сказала она. — И не возвращайтесь. Иначе я расскажу всем, что вы угрожаете людям.

Уэллс засмеялся.

— Слепая девочка, которая угрожает мне? Ты не знаешь, кто я. Я могу уничтожить вас обоих.

— Попробуйте, — сказала она. — Но я не боюсь вас.

Она слышала, как он колеблется. Потом он развернулся и вышел, хлопнув дверью.

Она стояла в холле, и её сердце билось быстрее. Она знала, что он вернётся. Но она была готова.

Когда Себастьян вернулся, она рассказала ему о случившемся. Он молчал, слушая, и она чувствовала, как его гнев нарастает.

— Он не должен был говорить с тобой, — сказал он. — Я должен был защитить тебя.

— Ты не можешь защитить меня от всего, — сказала она. — Но ты можешь быть со мной. И этого достаточно.

Он взял её за руки.

— Я не боюсь его, — сказал он. — Я боюсь только одного — потерять тебя.

— Ты не потеряешь меня, — сказала она. — Я здесь. И я никуда не уйду.

Они стояли в холле, обнявшись, и Ирис знала, что, что бы ни случилось, они справятся вместе.

На следующее утро она проснулась с чувством, что сегодня будет важный день. Она оделась и спустилась вниз, но Себастьяна нигде не было. Она искала его в библиотеке, в столовой, в саду. Наконец она нашла его в восточном крыле — в мастерской.

Он стоял перед её холстом и смотрел на неоконченный портрет. Когда она вошла, он повернулся.

— Я хочу, чтобы ты кое-что поняла, — сказал он. — Я больше не боюсь. Я больше не хочу прятаться. Я хочу, чтобы мы уехали отсюда. Вместе.

Она подошла к нему.

— Куда?

— В Лондон. Или куда угодно. Главное — вместе. Я хочу начать новую жизнь. С тобой.

Она улыбнулась.

— Я согласна, — сказала она. — Но сначала ты должен закончить эту картину.

Он засмеялся.

— Ты всегда думаешь о работе.

— Потому что я хочу, чтобы мир увидел тебя таким, каким я тебя вижу.

Он поцеловал её, и она знала, что этот поцелуй — начало их новой жизни.

Вечером они сидели на террасе, и он держал её за руку. Море шумело внизу, и звёзды зажигались на небе. Она слышала его дыхание, его сердцебиение, его мысли.

— Я хочу, чтобы ты знала, — сказал он. — Ты изменила мою жизнь. Без тебя я был бы просто тенью, бродящей по этому дому. А теперь я жив.

— Ты всегда был жив, — сказала она. — Просто тебе нужно было напоминание.

Он прижал её к себе, и они сидели так, глядя на море, на звёзды, на будущее, которое было перед ними.

Они сидели на террасе, пока ночь не окутала поместье своей тёмной мантией. Звёзды высыпали над морем, и их свет, отражённый в воде, создавал мерцающую дорожку, которую Ирис не могла видеть, но чувствовала — как дрожь в воздухе, как обещание. Себастьян держал её за руку, и его пальцы переплетались с её пальцами в молчаливом танце, который не требовал слов.

— Я никогда не думал, что смогу сидеть вот так, — сказал он тихо. — С кем-то, кто знает обо мне всё, и не боится. С кем-то, кто видит меня настоящего.

— А я никогда не думала, что смогу довериться кому-то настолько, — ответила она. — Я привыкла полагаться только на себя. На свои руки, на свой слух, на свою интуицию. А теперь я поняла, что можно положиться на другого человека. И это не слабость. Это сила.

Он повернулся к ней, и она чувствовала его взгляд на своём лице — тёплый, глубокий, проникающий в самую суть.

— Я хочу спросить тебя кое о чём, — сказал он. — Ты говорила, что у тебя есть сестра. Что с ней случилось?

Ирис замерла. Она редко говорила о прошлом — слишком больно было вспоминать. Но с ним она чувствовала, что может открыться.

— Её зовут Эмили, — начала она медленно. — Она младше меня на пять лет. Когда началась война, ей было шестнадцать. Она работала медсестрой в госпитале, помогала раненым. А потом, в один из дней, бомба упала на госпиталь.

Эмили выжила, но получила тяжёлое ранение. Она потеряла способность ходить. С тех пор она прикована к постели.

— Мне очень жаль, — сказал он.

— Не жалею. Она сильная. Она не сдаётся. Она пишет стихи, рисует — у неё отличное воображение. Она говорит, что её мир стал больше, чем у меня, потому что она может мечтать о том, чего никогда не видела. — Ирис улыбнулась. — Мы с ней часто шутим, что мы — две стороны одной монеты. Я не вижу мир, но могу двигаться. Она видит мир, но не может двигаться. Вместе мы составляем одно целое.

— Ты скучаешь по ней?

— Каждый день. Но я знаю, что она в хороших руках. Моя мать заботится о ней, а я посылаю деньги на лечение. Когда я закончу этот портрет, я поеду к ней. Я хочу, чтобы она знала, что я люблю её.

— Я хочу поехать с тобой, — сказал он. — Если ты согласишься.

Она повернулась к нему, удивлённая.

— Ты хочешь познакомиться с моей семьёй?

— Я хочу быть с тобой. Везде. Если это значит встретиться с твоей матерью и сестрой — я готов. Я не боюсь их мнения. Я боюсь только одного — что они не примут меня.

— Они примут, — сказала она. — Я уверена. Потому что я люблю тебя. А они доверяют моему выбору.

Он поднёс её руку к губам и поцеловал — долго, нежно, словно давая клятву.

— Тогда решено. Когда закончится портрет, мы поедem в Лондон. Я покажу тебе свой старый дом. Мы навестим твою семью. И мы начнём новую жизнь. Вместе.

— Вместе, — повторила она, и это слово звучало как музыка.

Ночь становилась глубже, и ветер с моря приносил прохладу. Себастьян помог ей подняться, и они медленно пошли обратно в дом. Его рука лежала на её талии, поддерживая, направляя. Она чувствовала его тепло, его уверенность, его любовь — и это было всё, что ей было нужно.

В библиотеке их ждал камин, уже разожжённый Бриджит. Огонь потрескивал, отбрасывая тени на стены, и Ирис слышала, как он дышит вместе с ними. Себастьян усадил её в кресло, а сам сел на пол у её ног, положив голову ей на колени. Она гладила его волосы — густые, мягкие, с едва заметной сединой на висках. Она чувствовала, как он расслабляется под её прикосновениями, как его дыхание становится глубже, ровнее.

— Я хочу, чтобы ты знал, — сказала она. — Ты — лучшее, что случилось со мной. Ты дал мне то, чего я не могла получить ни от кого другого. Ты дал мне надежду. Веру в то, что даже в темноте можно найти свет.

— Ты дала мне то же самое, — ответил он. — Ты показала мне, что я не монстр. Что я могу быть любимым, несмотря на все мои шрамы. И за это я буду благодарен тебе всю жизнь.

Они сидели так, пока огонь не начал угасать. Часы на ка-

минной полке пробили полночь, и Ирис почувствовала усталость — приятную, успокаивающую, как после долгого пути.

— Мне нужно идти, — сказала она. — Завтра будет новый день, и я хочу закончить портрет.

— Я провожу тебя, — сказал он, поднимаясь.

Он взял её за руку, и они пошли по тёмным коридорам Рэйвенскрофта. Ирис слышала, как скрипят половицы под их шагами, как ветер завывает в трубах, как где-то вдалеке тихо плачет ребёнок — или ей казалось. Но она не боялась. Рядом с ним она не боялась ничего.

У двери её комнаты он остановился.

— Спокойной ночи, Ирис, — сказал он.

— Спокойной ночи, Себастьян.

Она почувствовала, как он наклонился и поцеловал её в лоб. Поцелуй был лёгким, почти невесомым, но она чувствовала его тепло — и оно согревало её всю ночь.

Она вошла в комнату и села на кровать. Мэри уже спала, и в комнате было тихо. Ирис слышала, как море дышит за окном, как ветер шевелит занавески. Она закрыла глаза и позволила себе утонуть в воспоминаниях о сегодняшнем дне.

Она думала о том, как он держал её за руку, как он говорил о будущем, как он обещал поехать с ней в Лондон. Она чувствовала, что её жизнь наконец обрела смысл. Не просто выживание, не просто работа, не просто существование. Жизнь. Настоящая, полная любви и надежды.

Она заснула с улыбкой на губах, и сны её были полны све-

та — того света, который она никогда не видела, но который всегда чувствовала рядом с ним.

Следующие два дня Ирис провела, работая над портретом. Она чувствовала, что он почти готов — оставались последние штрихи, последние линии, которые должны были завершить образ. Себастьян сидел рядом, иногда читал вслух, иногда просто молчал, и она знала, что он смотрит на неё с той же любовью, с какой она слушала его голос.

— Я думаю, что он готов, — сказала она наконец, откладывая кисть.

— Ты уверена? — спросил он.

— Да. Ты хочешь посмотреть?

— Я хочу, чтобы ты сказала мне, что ты видишь. Что ты нарисовала.

Она подошла к нему и взяла его за руку.

— Я нарисовала тебя, — сказала она. — Но не таким, каким ты видишь себя в зеркале. Я нарисовала тебя таким, каким ты был до того, как разбился. Я нарисовала твою улыбку, твой свет, твою душу. И я нарисовала твои шрамы — не как уродство, а как часть тебя. Как напоминание о том, что ты выжил.

Он молчал. Она чувствовала, как его дыхание становится неровным, как он борется со слезами.

— Ты — невероятная, — прошептал он. — Ты сделала меня целым.

— Ты всегда был целым, — сказала она. — Ты просто

забыл об этом.

Он обнял её, и она чувствовала, как его сердце бьётся рядом с её сердцем, как его дыхание сливается с её дыханием. Она знала, что этот момент останется с ней навсегда.

Вечером они сидели в библиотеке, и он держал её за руку.

— Я хочу сделать тебе предложение, — сказал он.

— Какое?

— Я хочу, чтобы ты осталась здесь. Навсегда. Не как хозяйка, не как гостя. Как моя жена.

Она замерла. Она не ожидала этого. Она знала, что они любят друг друга, но она не думала, что он готов сделать этот шаг.

— Ты серьёзно? — спросила она.

— Никогда не был серьёзнее. Я знаю, что это может показаться быстрым. Но я ждал этого всю свою жизнь. Я не хочу больше ждать. Я хочу, чтобы ты была моей. Навсегда.

Она чувствовала, как слёзы текут по её щекам.

— Да, — сказала она. — Я выйду за тебя замуж.

Он обнял её, и она чувствовала, как его слёзы падают на её плечо.

— Я люблю тебя, — прошептал он.

— Я тоже люблю тебя.

Они сидели так, обнявшись, и Ирис знала, что это — начало новой жизни. Жизни, в которой не было места страху и одиночеству. Только любовь. Только свет. Только они двое.

На следующее утро Ирис проснулась с чувством, что мир

изменился. Она знала, что сегодня она начнёт новую главу. Она оделась и спустилась вниз, где Себастьян ждал её с букетом роз.

— Для тебя, — сказал он, вкладывая цветы в её руки.

Она вдохнула их аромат и улыбнулась.

— Спасибо.

— Я хочу, чтобы мы поехали в Лондон сегодня, — сказал он. — Я хочу познакомиться с твоей семьёй. И я хочу, чтобы ты познакомилась с моим старым домом.

— Прямо сегодня?

— Да. Я не хочу больше ждать.

Она кивнула.

— Тогда поехали.

Они собрались быстро. Мэри помогла Ирис упаковать вещи, а Себастьян распорядился о подготовке экипажа. Через час они уже сидели в карете, направляющейся в Лондон.

Дорога была долгой, но Ирис не чувствовала усталости. Она сидела рядом с ним, чувствуя его руку на своей, и знала, что это — правильный путь.

Когда они въехали в Лондон, она услышала шум города — гул экипажей, крики торговцев, звонки трамваев. Она чувствовала запах дыма, угля, выпечки. Город был живым, и она была частью его.

Они остановились у небольшого дома в тихом районе. Себастьян помог ей выйти из экипажа и взял её за руку.

— Это мой старый дом, — сказал он. — Я не был здесь

много лет. Но я хочу, чтобы ты увидела его.

Она прошла за ним через калитку, и они вошли в дом. Он был маленьким, уютным, с высокими потолками и старинной мебелью. Ирис слышала, как скрипят половицы, как ветер гуляет по комнатам.

— Здесь тихо, — сказала она.

— Да. Я любил это место. Здесь я был счастлив. До войны.

— Ты будешь счастлив снова, — сказала она. — Я обещаю.

Он обнял её, и они стояли так, слушая, как дом дышит вокруг них.

После обеда они поехали к матери Ирис. Себастьян нервничал, и она чувствовала его напряжение. Она сжимала его руку, чтобы он знал — она рядом.

Мать Ирис, Элеонора Форест, была невысокой женщиной с мягким голосом и острым умом. Ирис слышала, как она встретила их в дверях, как её голос дрогнул, когда она увидела дочь.

— Ирис, — сказала она, обнимая её. — Я так рада, что ты приехала.

— Мама, это Себастьян, — сказала Ирис. — Мой жених. Элеонора замолчала на мгновение. Потом сказала:

— Добро пожаловать, лорд Вудвилл. Я слышала о вас.

— Просто Себастьян, — сказал он. — Я рад познакомиться с вами.

Они прошли в гостиную, где их ждал чай и пироги. Ирис

слышала, как они разговаривают — мама задаёт вопросы, Себастьян отвечает, и его голос становится всё мягче, увереннее. Она знала, что они понравятся друг другу.

Через час к ним присоединилась Эмили. Ирис слышала, как скрипят колёса её инвалидной коляски, как она дышит — тяжело, но с радостью.

— Ирис! — воскликнула Эмили. — Ты приехала!

Ирис подошла к сестре и обняла её.

— Я приехала, — сказала она. — И я привезла с собой человека, которого люблю.

Эмили повернулась в сторону Себастьяна.

— Значит, вы тот самый, — сказала она с лёгкой усмешкой. — Тот, кто влюбился в мою слепую сестру.

— Да, — ответил он. — И я горжусь этим.

Эмили засмеялась — тихо, но искренне.

— Тогда вы нам подходите, — сказала она.

Вечер они провели вместе, разговаривая, смеясь, вспоминая прошлое. Ирис чувствовала, как её сердце наполняется теплом. Она была дома. Среди тех, кого любила.

Когда они уезжали, Себастьян взял её за руку и сказал:

— У тебя замечательная семья.

— Я знаю, — ответила она. — Теперь они и твоя семья.

Он поцеловал её, и она знала, что это — начало их новой жизни.

Прошло несколько недель. Ирис и Себастьян переехали в его старый дом в Лондоне, и она с удивлением обнаружи-

ла, что этот город, который она когда-то боялась, теперь стал ей родным. Она знала каждую улицу по звукам — по звону трамваев, по крикам торговцев, по шуму толпы. Она чувствовала ритм города, его дыхание, его пульс. И она знала, что больше никогда не будет одна.

Они поженились в маленькой церкви, где не было никого, кроме её семьи и нескольких верных слуг. Ирис слышала, как скрипят двери, как пахнет ладаном и воском. Она чувствовала его руку в своей, когда они обменивались кольцами, и знала, что это — самый важный момент в её жизни.

После свадьбы они вернулись в Рэйвенскрофт — но теперь это был другой дом. Он больше не был тюрьмой. Он был убежищем. Местом, где они могли быть собой.

Однажды, через месяц после свадьбы, Ирис сидела в мастерской, работая над новым портретом, когда Себастьян вошёл и встал позади неё.

— Я хочу тебе кое-что сказать, — начал он.

— Что?

— Я хочу, чтобы ты знала: ты не просто спасла меня. Ты научила меня быть счастливым. Я не знал, что такое счастье, пока не встретил тебя. Ты показала мне, что даже в самой тёмной комнате можно найти свет.

Она отложила кисть и повернулась к нему.

— Ты показал мне то же самое, — сказала она. — Ты показал мне, что любовь не требует глаз. Она требует сердца.

Он подошёл к ней и обнял её. Они стояли так, слушая, как

море шумит за окном, как ветер играет с занавесками.

— Я люблю тебя, — прошептал он.

— Я тоже люблю тебя, — ответила она.

Глава завершилась, но их история продолжалась. Она была историей о том, как две сломленные души нашли друг друга и стали целыми. Она была историей о любви, которая не нуждается в свете, чтобы сиять.

Ирис знала, что впереди их ждут испытания — новые вызовы, новые трудности. Но она знала, что они справятся. Потому что у них было главное — они были вместе. И это было всё, что имело значение.

Глава 4. Свет в каждой тени

Лондон оказался совсем не таким, каким Ирис представляла его по звукам, доносившимся из её мансарды на Челси. Тогда она слышала только шум — дальний гул экипажей, крики разносчиков, звонки трамваев, отрывистые обрывки разговоров прохожих. Это был город, который жил своей жизнью, не замечая слепой девушки в крошечной комнате под самой крышей.

Теперь же Лондон стал её домом. Она чувствовала его по-другому — не как хаос, а как сложную, многослойную симфонию. Она узнавала улицы по запахам: на Челси пахло выпечкой и речной водой, в Мейфэре — дорогими духами и полированным деревом, в Сохо — табаком и жареным луком. Она узнавала время суток по звукам: утром — стук молочных бидонов и звон церковных колоколов, днём — гул экипажей и голоса торговцев, вечером — далёкая музыка из открытых окон и тихий шелест первых капель дождя.

Дом, который Себастьян купил для них, стоял в тихом переулке неподалёку от Риджентс-парка. Это был небольшой особняк из красного кирпича, с коваными решётками на окнах и маленьким садом за домом. Ирис полюбила его с первого дня, когда они вошли через чугунные ворота, и она услышала, как ветер шелестит в ветвях старого платана, растущего у входа.

— Здесь тихо, — сказала она тогда.

— Да, — ответил он. — Я хотел, чтобы тебе было спокойно.

— Ты и сам хотел тишины, — заметила она. — Ты устал от Рэйвенскрофта. От того, что стены помнят слишком много.

Он промолчал, но его пальцы сжали её ладонь, и она поняла, что сказала правду.

Первые недели в Лондоне прошли в обустройстве дома. Ирис, которая никогда раньше не занималась домашними делами — в мансарде было всего одна комната, — теперь училась управлять хозяйством. С помощью Мэри и ещё двух служанок, которых Себастьян нанял, она постепенно осваивала ритм жизни в большом доме. Она запоминала, где стоят вещи, сколько шагов от лестницы до гостиной, как скрипит дверь в столовой. Она научилась различать голоса служанок по тому, как они здороваются по утрам. Каждый день приносил что-то новое, и это было увлекательно.

Но главное, что изменилось в её жизни, — это сам Себастьян.

Он стал другим. Ирис слышала это в его голосе, в его походке, в том, как он дышал. Напряжение, которое всегда сквозило в его тоне, когда они только встретились, постепенно исчезало, уступая место чему-то спокойному, почти умиротворённому. Он смеялся чаще — не горько, не иронично, а искренне, как человек, который заново учится радоваться. Он перестал избегать зеркал, хотя Ирис не могла этого ви-

деть, но она чувствовала, что он больше не прячется от собственного отражения.

Однажды утром, когда они сидели в столовой за завтраком, он сказал:

— Я хочу снова начать рисовать. По-настоящему. Не просто наброски, а картины. Ты поможешь мне?

Ирис отложила чашку с чаем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.